

ЗОНА СМЕРТИ

Роман Глушков

ЛЁД И АЛМАЗ

Роман Анатолевич Глушков
Лед и алмаз
Серия «Зона Смерти»
Серия «Алмазный Мангуст», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573455

Лёд и алмаз: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-44900-2

Аннотация

После пяти лет скитаний по Пятизону бывший военный вертолетчик, а ныне преступник и дезертир Геннадий Хомяков по кличке Алмазный Мангуст наконец-то арестован. Из-за своих феноменальных способностей он попадает в секретный научно-исследовательский центр «Светоч», где его начинают подвергать изматывающим, бесчеловечным экспериментам. И когда во время очередного опыта происходит технический сбой, Хомяков без раздумий пользуется моментом и убегает от своих истязателей.

Скрываясь от погони, он отправляется в Новосибирск, где у него есть шанс отыскать разгадку своего феномена. Однако на пути у него стоит как «Светоч», так и могущественная третья сила – таинственный и жестокий Умник. Удастся ли Хомякову раздобыть то, что сможет вернуть ему нормальный человеческий облик и свободу, открыть для него выход из Зоны?

Трудно сказать, ведь нынешняя зима в Новосибирске свирепа как никогда, и Алмазному Мангусту уготованы такие испытания, которые даже в кошмарах не снились покорителям Северного полюса и Антарктиды...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	41
Глава 3	65
Глава 4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Роман Глушков

Лёд и алмаз

Алмазный Мангуст выражает
признательность сталкерам – исследователям
Пятизонья

*Дмитрию «SOVA» Дзиндзяловскому,
Александру «BOSS» Тихонову,
Константину «Ra Ven» Федорову,
Виталию «Anatom» Верхову,*
чьи научные работы по изучению техноса
помогли рассказчику избежать ошибок при
описании упомянутых в этой истории механоидов.

*Ну, зима!.. Сугробит, стужит,
Заметает, крутит, вьюжит,
Жжет морозом, душит льдом...*

В. Александров.

*Кто ищет, тому назначено блуждать.
Гете.*

Долгие проводы – лишние слезы. Ну, а долгое вступление – лишь ненужная попытка вашего отнюдь не безграничного терпения, мои многоуважаемые слушатели. Так что давайте обойдемся без многословного пролога, начинать с которого этот рассказ будет, на мой взгляд, не слишком уместно.

Вот, к примеру, пустились бы вы философствовать, выйдя на стартовую черту перед тем как пробежать кросс? Вряд ли. И я не буду. Тем более что побегать нам с вами сегодня предстоит еще немало. И побегать, и померзнуть. А зимняя стужа, как известно, тоже не слишком располагает к ведению пространных философских бесед. Если, конечно, они пройдут не в тепле, у камина, в домашних тапочках и под расписание чего-нибудь согревающего. Иными словами, в окружении всех тех милых человеческих радостей, о каких в компании со мной вам придется напрочь забыть.

Поэтому мы будем философствовать лишь на ходу, кратко и исключительно по существу. Для того, чтобы иногда отвлекаться от мыслей о холоде и не позволить мозгам окончательно заледенеть.

Итак, вы готовы?.. Уверены?.. Ладно, тогда я даю отмашку...

Ах да, погодите, чуть не забыл! Не так давно я поклялся одному рыцарю Ордена Священного Узла в том, что о его подвиге узнает весь мир. Так вот, сам я пусть и не рыцарь, но клятву свою намерен сдержать. А потому знайте и передайте другим: исполинский биомех Жнец, что в октябре 2057 года едва не стер в порошок Цитадель и чьи монументальные останки лежат теперь на подступах к ней, был повержен узловиком Ипатом. Который, героически спасая своих братьев по Ордену, заплатил за эту победу собственной жизнью. Истинная правда, вплоть до единого слова. Равно как и та ис-

тория, какую вы сегодня от меня услышите.

Что ж, на этом вроде бы все. И раз у вас нет ко мне вопросов, стало быть – в путь! Вот только будет ли он добрым, этого я вам, увы, обещать не могу...

Глава 1

Останавливаться нельзя...

Надо двигаться, и чем энергичнее, тем лучше.

И дело не только в том, что на дворе – февраль, а на мне из одежды – лишь спортивные трусы да кеды, хотя холод тоже подстегивает меня не хуже нагайки. Но его непрекращающиеся укусы – мелочь по сравнению с теми ранами, какие могут оставить на моем теле безмозглые смертники полковника Хрякова. Того самого монстра в погонах, которого – я слышал это собственными ушами, – даже его собственные офицеры с содроганием называют за глаза Грободелом. И этот Грободел вот уже третий месяц кряду усердно гоняет меня по всем кругам Ада. Моего персонального, прижизненного Ада – порождения буйной фантазии военных ученых, на растерзание коим я был брошен после моего досадного пленения в октябре прошлого года.

Зима на Керченском острове, под куполом Барьера, конечно, не чета сибирской. Однако свирепствующие в Крыму ураганы раздувают даже легкий морозец в такое мерзопакостное атмосферное явление, дать которому название лично я затрудняюсь. А помимо ветров здесь еще имеются все мыслимые и немыслимые виды осадков, резкие колебания температур и давления, зимние грозы, торосы, обледенелые сугробы и слякоть. И сквозь этот погодный хаос бегу я – за-

индевелый, продрогший, в одних трусах и кедах...

Вы видели когда-нибудь измученные лица марафонцев, когда они преодолевают финишную стометровку? Так вот, моя физиономия становилась такой еще до старта устраиваемых мне полковником Хряковым регулярных кроссов. А к финишу она и вовсе превращалась в застывшую, перекошенную маску, грозившую, казалось, вот-вот лопнуть и рассыпаться словно пережженный фарфор.

Не знаю, есть ли у Данте в его интерпретации Ада подобная кара для грешников. Но если нет, я готов взять на себя труд дополнить «Божественную комедию» парой-тройкой не менее душераздирающих глав. Уверен, будь жив ее автор, он бы по достоинству оценил мои старания. Впрочем, не исключено, что вскорости я лично встречу со стариком Алигьери на одном из кругов Преисподней и расскажу ему о Пятizonье все то, о чем уже не раз рассказывал вам. И пусть только он попробует усомниться в моей искренности!..

А, ладно, поболтаем о поэзии как-нибудь потом. Не до нее мне сегодня, да и обстановка неподходящая. О чем пристало думать загнанной в лабиринт лабораторной мыши, так это о поиске выхода и лежащем там кусочке сыра. Или, как в моем случае – вождеденном тепле и отдыхе. Сомнительные привилегии. Но они – единственные сколько-нибудь ценные подарки, на какие расщедриваются мои мучители.

Кто эти, мягко говоря, нехорошие люди, большинство из вас, полагаю, знает. Для остальных вкратце напомним. На-

ши октябрьские поиски сгнувшего в Пятизоне знаменитого журналиста Семена Пожарского, «Мерлина», завершились успехом. Он и его пропавшая команда были обнаружены живыми, а исполинский биомеханический монстр Жнец, в утробе которого их удерживал доселе неведомый нам враг, остановлен и разрушен. Однако наслаждаться победой мне, а также моему напарнику Жорику и сопровождавшей нас следопытке Динаре довелось недолго. Едва мы, унося ноги, выбрались на броню Жнеца, как тут же угодили в лапы десанту армейских чистильщиков. Они опоздали на нашу войну, но тем не менее награду получили воистину царскую. И наградой этой был я – Алмазный Мангуст. Человек, в чьем теле обитает энергетический паразит стоимостью более трехсот миллионов долларов...

Вернее, это раньше семь выросших в меня аномальных сгустков в виде алмазов по пятьсот карат каждый стоили таких денег. Как вскоре выяснилось, тогдашняя цена моего симбионта – и одновременно красная цена моей жизни – была далеко не окончательной. Сегодня он оценивался бы многократно выше. Во сколько же именно, и предположить трудно.

Мне – невольному обладателю этих проклятых сокровищ – подобные сведения не разглашают. Но сам факт того, что я – военный преступник и дезертир, не пошел втихаря под нож, а был оставлен в живых и при своих алмазах, говорит о многом. И тесты, каким меня подвергают с тех пор в науч-

но-исследовательском центре «Светоч» на Керченской военной базе, также свидетельствуют: прерванное шесть лет назад изучение моего феномена возобновлено и вышло на новый, более углубленный уровень.

Вот только мне от этого, увы, ни тепло, ни... Нет, вру: все-таки холодно. Чертовски холодно! Просто удивительно, как еще кровь не заледенела в моих жилах от систематических пробежек голышом по заснеженным окрестностям нашей базы.

Зачем я бегаю здесь в трусах на морозе и ураганном ветру? Разумеется, во имя грядущего торжества науки, а не на потеху своего надзирателя Грободела и роты его головорезов. Никаких шуток – всё серьезнее некуда. Судите сами: ради одного полевого эксперимента надо мной ученые иногда жертвуют до полудюжины человеческих жизней. Бывает и меньше – всё зависит от наличия в Центре подопытного материала. Его поставкой занимается все тот же полковник Хряков. И с этой задачей он справляется не хуже, чем с прочими своими служебными обязанностями. Подобное тестирование проводится дважды в неделю, и еще ни разу я не пробежал свой кросс, не столкнувшись с одним или несколькими полковничьими камикадзе.

Где Грободел берет своих смертников и с какой целью на меня натравливает – вопросы, на которые он никогда не даст мне правдивые ответы. Да они мне и не нужны. И без них все здесь предельно ясно. На полевых опытах я сталки-

ваюсь не с испытателями-добровольцами и не с наемниками – внештатными сотрудниками «Светоча». Все мои противники – пойманные в ходе армейских зачисток сталкеры. Разные: от обычных бродяг и мелких промысловиков до напичканных современными имплантами членов крупнейших сталкерских группировок. Иногда попадаются даже рыцари Священного Узла. Что любопытно, ведь раньше между Орденом и военными сохранялось пусть зыбкое, но перемирие. И все же, как показывала практика, чистильщики порой не гнушались браконьерством и не отпускали обратно в реку рыбу, чей отлов был им насторого запрещен. Хряков норовил навлечь на себя гнев Командора Ордена Хантера, но продолжал втайне доставлять на базу самых матерых бойцов Пятизонья – отборный материал для проводимых учеными тестов. И это также косвенно свидетельствовало о важности их сегодняшних изысканий.

Второй вопрос – «С какой целью все это делается?» – более сложный, нежели первый. Но и на него я со временем нашел ответ, почему, вопреки моим ожиданиям, меня оставили в живых. Чтобы прояснить для вас эту загадку, давайте вновь вернемся к финалу нашей предыдущей истории. А точнее – к моей короткой, но яростной стычке с королем скоргов – Трояном. Стычке, которая закончилась для меня и для него боевой ничьей.

Столкнувшись тогда с самой odioзной тварью Пятизонья, я должен был по всем предпосылкам проиграть. И проиграл

бы, не перехвати мой симбионт управление моим телом целиком на себя. Вспыхнув аномальным огнем и заставив меня светиться, будто лампочка, он набросился на Трояна с невероятной скоростью и отвагой. И не только не позволил ему распылить меня на атомы, но и заставил того шарахаться от нас, словно отгоняемого палкой пса.

Если бы не атаковавшие уже поверженного на тот момент Жнеца бомбардировщики, неизвестно, чем в конце концов завершилась бы наша драка. Спасаясь от авианалета, мы с Трояном бросились кто куда и больше с той поры не встречались. Но я все еще боялся, как бы он, желая свести со мной счеты, не явился на Керченскую базу и не учинил здесь массовый геноцид. Вряд ли результат того боя удовлетворил не привыкшего получать по заправке Трояна. А значит, я имел все основания полагать, что мы с ним еще встретимся. И что третьего нашего поединка не на жизнь, а на смерть уже точно не будет...

Пленившие меня затем десантники понятия не имели, что за добыча угодит им в руки, поскольку планировали высадиться на уже проутюженный бомбами плацдарм. Готовясь к бомбардировке гигантской цели, армейские координаторы не обратили поначалу внимания на мечущуюся у нее по броне маленькую человеческую фигурку. Полупрозрачный, бесформенный призрак-Троян был им со спутника и давно не виден. Но, подведя итоги операции и проанализировав все собранные данные, включая те, что были получены на

моих допросах, чистильщики пришли к выводу: я им не солгал. Уникальная драка между мной и Трояном действительно имела место и протекала именно так, как я ее описывал.

Да, каюсь: я выдал военным все как на духу. К чему вообще мне было лгать, упорствовать или выгораживать кого-либо на допросах? Наоборот, пообещав дознавателям говорить правду, я заключил с ними сделку, чтобы после следствия все обвинения с Жорика и Динары были официально сняты. А сами мои товарищи – отправлены за Барьер без наручников, как полностью искупившие свою вину свободные граждане.

Проконтролировать, исполнили чистильщики нашу договоренность или нет, я, естественно, не мог. Но с какой стати им было мне лгать? Тяжких преступлений за Дюймовым и Арабеской не числилось; по крайней мере, я ни о чем подобном не знал. И заработать себе амнистию было для них на порядок проще, чем тем сталкерам, коих угораздило провиниться перед военными.

Сам я о такой амнистии не мог даже мечтать, ибо за последние пять лет не однажды проливал кровь бывших собратьев по оружию. Что они мне при поимке сразу же инкриминировали. И были правы, поскольку иного, более удачного – и вдобавок законного – повода завладеть моими сокровищами у них не имелось. Однако после истории со Жнецом и Трояном мои нынешние хозяева больше не смотрели на меня, как на ходячую шкатулку с драгоценностями. Которую

они, на мое счастье, не стали опустошать и вышвыривать на помойку, едва лишь им выпал такой шанс.

Испокон веков военные почему-то считаются в народе туповатыми солдафонами. В действительности это, конечно же, неправда. И потому закономерно, что командование Барьерной армии (без сомнения, моя судьба решалась где-то на том уровне) предпочло сиюминутной выгоде в триста миллионов баксов дальнейшее изучение моего феномена. Благо, новые данные о нем и о Жнеце дали исследователям уйму свежей пищи для ума. Разрушенный нами уникальный двигатель исполинского биомеха был некогда фактически в него вживлен и по своей структуре подозрительно напоминал моего энергетического симбионта. Но если восстановить первый не представлялось возможности, то второй находился сегодня в полном распоряжении ученых. И мог послужить им рабочей моделью компактного силового агрегата, который шутя перемещал по суше колесную махину весом в миллионы тонн.

Технология, чей гигантский потенциал был очевиден даже профану и оценивался несоизмеримо выше каких-то жалких трехсот миллионов долларов.

Впрочем, проверить «двигательную» теорию на практике было проблематично. Убежден, многие «толстолобики» Центра хотели бы попытаться извлечь из меня источник аномальной энергии и пересадить его в какую-нибудь энергоемкую военную технику. Также убежден, что идея эта не была

отвергнута, а осталась в качестве резервной. До той поры, пока наука не получит твердую гарантию, что, очутившись вне моего тела, бесценный паразит не умрет, а будет пригоден для дальнейших исследований.

Сегодня ученые были еще не готовы пойти на такой рискованный шаг. Поэтому проводили более предсказуемые, с их точки зрения, опыты, подвергая меня непрерывным физическим и психическим перегрузкам.

«Толстолобики» лелеяли надежду увидеть наяву то, что было запечатлено на спутниковой съемке. А именно: переход моего симбионта в автономный режим функционирования по достижении мной некоего экстремального предела. И поскольку найти этот предел можно было, лишь подвергнув меня крайней опасности, я был вынужден изо дня в день испытывать на своей шкуре спартанские лишения.

Убедить ученых, что за годы моей «алмазной» жизни подобная вспышка гнева охватывала моего паразита лишь однажды, не получалось. На слово мне не верили, а доказать, что единственный враг, кого он реально боится – это Троян, – я не мог. За что и страдал невероятно.

Благо, симбионт продолжал оказывать мне свою обычную поддержку: наделял меня обезьяньим проворством, невидимостью на ярком свете, заживлял раны и ограждал от болезней. В результатах моего исследования от 2051 года ни о чем подобном, естественно, не упоминалось. За Барьером, вдали от входа в гиперпространство, живущая во мне инородная

тварь всего лишь медленно меня убивала. А я в свою очередь «убивал» любую попадающую мне в руки электронную технику.

Открывшиеся уже в Пятизоне мои феноменальные навыки выживания заинтересовали падких до всего неизведанного ученых «Светоча». Но ненадолго. Они радели не о пользе для моего брэнного тела, а о сулящем им богатство и славу прорыве в области энергетических технологий. И потому взялись провоцировать моего паразита на то, чтобы он выказал свою истинную, а не ограниченную мощь. Ну и, естественно, попутно искали способ, как отделить источник этой мощи от его биологического носителя, чьей жизнью при этом можно было легко пренебречь...

Устраиваемые нам с симбионтом «научные» провокации, как вы уже поняли, не отличались человеколюбием и проходили отнюдь не в стерильных лабораторных условиях. Вблизи от Керченской базы раскинулась обширная пустошь, да не простая, а образовавшаяся на месте обвалившихся катакомб. В день Катастрофы их огромная разветвленная сеть покрылась множеством разломов и обрушилась подобно тому, как оседает пена в пивной кружке. Вдобавок сейсмические сдвиги земной коры выдавили этот каменный пласт на поверхность. Это не позволило образоваться провалу и заодно придало данному району острова воистину инопланетный пейзаж.

Описать его словами сложно, но я попробую. Сегодня ле-

гендарные Керченские катакомбы являли собой разухабистый лабиринт, где открытые коридоры хаотически чередовались с короткими – не обвалившимися, – тоннелями. Неисчислимы тупики и гроты, узкие щели и провалы, коварные петли и развилки, разновеликие арки – уцелевшие фрагменты катакомбных потолков, – и повсюду – обломки, обломки, обломки... И все это располагалось на пересеченной местности, изрядно коверкая и без того вздыбленный рельеф пустоши.

Зимой она приобретала еще более жуткий вид. Обледенелый лабиринт заметали сугробы, а ветры с чередующимися по пять раз на дню морозами и оттепелями вылепляли повсюду из снега причудливые абстрактные скульптуры. Град и резкие перепады давления безжалостно разрушали их. Они рассыпались, обращаясь в крошево и слякоть, но вновь возрождались после очередного снегопада и бурана. Изменялась лишь форма этих скульптур, но не стиль, коему была привержена их неизменная ваятельница – Метель.

Но у нее – лютой, кусачей стервы, – хотя бы имелся художественный вкус! А вот у очкариков «Светоча» и Грободела он напрочь отсутствовал. Это ж надо додуматься: вписать в ирреальную, но гармоничную скульптурную композицию Метели полуобнаженного, продрогшего до костей бегуна! И еще заставить его воевать голыми руками с натравливаемыми на него, вооруженными до зубов камикадзе.

Все верно: я был не только раздет до трусов, но и лишен

всяческого оружия. Ни ножа, ни даже примитивной палки! В то время как мои противники экипировались Хряковым так, будто им предстояло драться против подобных им головорезов. Все согласно научному плану! Сколько я ни талдычил ученым, что им не пробудить мощь моего симбионта таким идиотским способом, они продолжали наслаждаться моими гладиаторскими боями, сидя у себя в лабораториях и попивая горячий кофе.

Мерзавцы! И восстание нам – рабам-гладиаторам от науки, – не поднять. У всех смертников были основательно промыты мозги, и воодушевить зомбированных сталкеров повернуть оружие против наших угнетателей являлось безнадежным делом. Да и недосуг мне общаться на арене со своими собратьями по несчастью. Едва завидев меня, они без лишних церемоний тут же открывают огонь, игнорируя все призывы, какими я пытаюсь до них докричаться.

Угнаться за мной по глыбам льда и камням надзиратели не могут. Поэтому хронологию моих пробежек ведут два авиабота – небольшие летающие хреновины, подобные тем гарпиям, с которыми мы сталкивались при поисках Мерлина. Только эти машинки – вполне обычные армейские роботы-разведчики и подчиняются людям, а не Узлу. На каждой из них помимо видеокамер также стоит по пулемету. Теоретически, авиаботы служат не только моими конвоирами, но и ангелами-хранителями. На случай, если кому-то из противников вдруг посчастливится вцепиться мне в глотку, как это

удалось осенью узловуку Ипату.

Хотя насчет защиты бабушка еще надвое сказала. Хряковские камикадзе не однажды загоняли меня в угол и едва не разлучали с жизнью – в наших турнирах все было вполне натурально, не понарошку. Но пока мне не выпадала возможность узнать, буду ли я спасен за миг до неминуемой смерти, или же ученые дерзнут проверить, как отразится гибель носителя на его симбионте. А что тут ужасного? Армейским «толстолобикам» гуманизм чужд и подавно; эти циники и не на такое способны. Особенно если их подопытный официально объявлен мертвым или пропавшим без вести, что в Пятизоне было фактически одним и тем же.

Холодно!.. Просто дьявольски холодно!

Но пока на полигоне будут оставаться живые камикадзе, никто меня отсюда не выпустит. А отсутствие одежды и мечта о вождеденном тепле – те стимулы, какие обязаны побуждать меня к активным действиям. Все элементарно: чем раньше справлюсь с задачей, тем быстрее вернусь на базу. И даже если не справлюсь, все равно вернусь, поскольку никто меня здесь не бросит. Правда, тогда мне – мертвецу, – будет уже не до тепла и прочих мирских благ, но в моем положении можно порадоваться и такому финалу.

Сегодняшняя пробежка также не сулила никаких сюрпризов. Вернее, ничего такого, к чему я не был бы заранее готов. Петляя по обледенелым зигзагообразным коридорам, ныряя под арки, пробираясь сквозь короткие, узкие тонне-

ли и перепрыгивая через сугробы, я бежал по очередному испытательному маршруту. Который, надо заметить, никогда не повторялся, чему способствовали немалые размеры оцепленной военными пустоши; в целях безопасности Керченской базы подразделения Грободела неусыпно контролировали эту территорию. Роль моих проводников исполняли авиаботы, летящие впереди меня и указывающие, где должен появиться мой противник. И когда я, отмахав по пересеченной местности немало километров, наконец-то с ним столкнусь, во мне будет бушевать столько злобы и адреналина, что молить меня в этот момент о пощаде станет уже бесполезно.

«Толстолобики» и Хряков знают, что делают. Я не мог в знак протеста сесть в каком-нибудь гроте и замерзнуть насмерть – тогда один из авиаботов приведет камикадзе прямо ко мне. После чего все равно придется вставать и драться, повинуюсь выработанному за годы скитаний по Пятизону, гипертрофированному инстинкту самосохранения. Парадоксально, не правда ли? Я был отнюдь не прочь умереть, но выказывал редкостную привередливость в способе, какой позволил бы мне отойти в мир иной.

Вот оно – лучшее доказательство того, насколько я одичал за годы беготни по Пятизону. Пасть от руки противника, не оказав ему ни малейшего сопротивления!.. При одной мысли об этом все мое нынешнее, наполовину звериное естество начинало протестовать и огрызаться. Лечь и замерзнуть подобно старому, обессиленному животному – еще куда ни

шло. В конце концов, многие дожившие до преклонных лет северные хищники заканчивают так бесславно свою жизнь. Но покажите мне хотя бы одного умирающего зверя, который, заметив приближение врага, не оскалил бы зубы и не попытался вскочить на ноги...

То-то же! Супротив матери-природы не попрешь. Хищник остается хищником даже на смертном одре, и ничего тут не попишешь.

В дни, когда улов Грободела был богат, он натравливал на меня по нескольку камикадзе сразу. Однако угрожающая мне при этом опасность отнюдь не всегда возрастала прямо пропорционально количеству врагов. Это в обычной Зоне они быстро скоординировали бы усилия и учинили мне травлю по всем правилам. А с промытыми мозгами идущие на смерть хряковские гладиаторы становились неспособными на осмысленные действия. И, даже будучи в большинстве, гонялись за мной без малейшего намека на командную тактику, зачастую на радость мне попадая под огонь друг друга.

Полковник, естественно, сознавал, что безмозглость противника смягчает условия заведомо жесткого эксперимента, но ничего поделать с этим не мог. Вооружить пойманных сталкеров и загнать их в эту смертельную игру, пока они находились в здравом уме, было нельзя. Даже пообещав им в случае победы отпущение всех грехов и свободу. Слишком строптива и мнительна была сталкерская братия, чтобы верить обещаниям чистильщиков и соблюдать договор с ними.

А особенно после того, как те вернут пленникам их оружие.

Последняя охота Хрякова, похоже, выдалась не слишком удачной. Как и сегодняшняя погодка, но последняя стала уже для Крыма практически нормой. Буран швырял мне в лицо хлопья снега и сильно ухудшал видимость. Но я все равно сумел рассмотреть две маячащие впереди фигуры в сталкерских доспехах.

Один гладиатор взобрался на каменную арку, возвышающуюся над очередной коридорной развилкой, и, судя по всему, изучал окрестности посредством сканирующих глазных имплантов. Кого он пытался высмотреть в мельтешащей белой пелене, было совершенно очевидно.

Второй его собрат вел себя иначе. Словно тоскующий по воле медведь из зоопарка, он сосредоточенно расхаживал туда-сюда по небольшой, величиной с цирковую арену, площадке. Между нами возвышалась груда заметенных снегом обломков, и скрыться от этого врага мне было гораздо проще. Конечно, при условии, что его поведение не изменится. Станным оно могло показаться лишь тому, кто не подозревал, что этот человек был подвергнут психотропной обработке. Мне же довелось видеть смертников и с более сильным помутнением рассудка, поэтому ничего экстраординарного в гладиаторе-шатуне я не нашел. Пускай себе мечется. Чем сильнее ему переклинит мозги, тем проще будет с ним расправиться.

Неподалеку могли ошиваться и другие невидимые за бу-

раном громилы, но интуиция подсказывала мне, что это не так. Я неплохо изучил логику своих хозяев и знал, что раз они выгнали камикадзе парой, значит, это – единственные мои противники на сегодня. Отправлять их в бой поодиночке было бы бессмысленной тратой подопытного материала. Непрерывной чередой или группами по пять-шесть человек смертники выпускались лишь тогда, когда их было слишком много. Таким конвейерным методом «толстолобики» доводили меня до белого каления, превращая испытание в затяжной кровавый марафон. Если же Грободел сразу бросал в бой мелкую группку, как эта, значит, больше сталкеров на этой неделе он не поймал. Но, дабы я не расслаблялся, «Светоч» не отменял тест и пускал в расход весь гладиаторский ресурс, каким на данный час располагал.

Что ж, посмотрим, чего стоят эти ублюдки... Или, если быть беспристрастным: такие же, как я, угодившие в капкан чистильщиков, жертвы трагического стечения обстоятельств.

Несмотря на то что я продрог, как цуцик, и был весь в снегу, инфракрасные сканеры гладиатора-наблюдателя могли меня засечь. Пока этого не случилось, пришлось остановиться и присесть за укрытие. Сидеть без движения на лютном ветру было и вовсе сущей пыткой, но я не привык бросаться в бой с наскока. Заметь меня одновременно оба противника, и я буду растерзан их кинжальным огнем еще до того, как наброшусь на ближайшего. Нет, наш брат-хищник

так глупо не погибает. Нужно успеть вцепиться в глотку хотя бы одному гаду, ну а там, как подфартит.

Главная ошибка, какую я мог сейчас допустить, это недооценить противника. Рано радоваться и предвкушать скорое возвращение в теплую камеру. Возможно, эти двое вовсе не так просты, как кажутся. В конце концов, полковник Хряков тоже не лыком шит. Ему ничего не стоит отступить от стандартного протокола эксперимента и подготовить для меня западню. К тому же не исключено, что именно сегодня «толстолобики» решили извлечь из моего тела паразита. И, если так, значит, что бы я ни планировал, как бы ни юлил, итог этого боя для меня предрешен...

Ладно, отставить пессимизм! Он – плохой советчик, а тем более в вопросах борьбы за выживание.

Наиболее опасным из смертников был тот, кто выглядел разумнее: занял высотную позицию и вел круговое наблюдение. И он явно не собирался покидать свой пост, дающий ему тактическое преимущество. Все говорило о том, что прежде этот гладиатор был матерым сталкером. С человеком, у которого боевые навыки отложились на уровне инстинктов и не стерлись даже при капитальной промывке мозгов, шутки плохи.

Любой другой вояка на моем месте устранил бы сначала наибольшую угрозу и лишь затем переключился на прочую вражескую шушеру. Но я отринул этот логичный, на первый взгляд, сценарий и пошел от противного. Ас – обзовем его

так – занял крайне невыгодную для меня позицию. Незаметно к нему при всем старании не подобрешься. Открыв огонь, он неминуемо задержит меня на подходе и привлечет на подмогу соратника. Однако напади я первым делом на «топтуна», все обернется иначе. Наблюдатель, как и прочие камикадзе, с кем я доселе сталкивался, не станет пассивно взирать на драку, спрыгнет с арки и устремится к нам. А среди сугробов и каменных глыб он будет уже не столь неуязвимым, как сейчас.

Мешкать с атакой нельзя. Пока я незаметен, у меня есть фора и шанс отвоевать в грядущем бою инициативу. Но и без кое-какой подготовки тут не обойдешься. Прячься за стенами и обломками так, чтобы не попасться на глаза наблюдателю, я взялся огибать по периметру площадку со вторым камикадзе; «Непоседа» – так я, подумав, окрестил беспокойно расхаживающего противника. Следовало подкрасться к нему так, чтобы можно было наброситься на него и вдобавок заслониться им от первых выстрелов Аса. По пути я подобрал увесистый камень – единственное доступное мне оружие, в котором к тому же здесь не было недостатка. Убить булыжником облаченного в доспехи сталкера нельзя, но ошарашить и оглушить – запросто. А большего для начала и не нужно. Без поддержки товарища контуженый гладиатор – практически тот же труп, только еще дышащий.

Пока я выходил на позицию, буран прекратился. Вместо него со стороны моря задул теплый ветер, и снег сменился

дождем. От сугробов сразу повалил пар, лед повсюду затрещал, а воздух вмиг отяжелел и пропитался сыростью, как в выстуженном предбаннике... Очередной экстравагантный каприз крымской погоды.

Я не люблю дожди, а тем паче зимние, но этому не мог не обрадоваться. Хлынувшие из туч водяные струи были так или иначе приятнее снега и лютой метели. И пускай скоро я вновь продрогну и начну клацать зубами, первые мгновения оттепели доставили мне истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение. И взбудрили настолько, что я ринулся в атаку, ощущая натуральную эйфорию. Так, словно жестокосердные Небеса не окатили меня водой, а ниспослали откровение об уже бронированном для меня в Раю вакантном местечке.

Мотающийся взад-вперед по площадке Непоседа держал, однако, ушки на макушке, а палец – на спусковом сенсоре ручной картечницы «Мегера». Приблизиться беззвучно к повернувшейся ко мне спиной жертве вплотную было сложно. Размокшие кеды хлюпали по быстро раскисшей слякоти, даже когда я крался на полусогнутых. Поэтому я и не крался. Просто выскочил из-за укрытия с занесенным камнем и решительно бросился к врагу.

Раззудись, плечо, размахнись, рука!..

Заслышав позади чавканье моих шагов, Непоседа обернулся, явно будучи готовым стрелять без раздумий. Но я отлично знал, как следует поступить мне в такой ситуации. Поэтому, едва камикадзе начал разворачиваться в мою сторо-

ну, я отклонился от прямого курса и взялся обегать стрелка в том же направлении, куда вращался ствол удерживаемой им наперевес картечницы.

Знаете, как охотящиеся волки кружат близ брыкающегося и мотающего рогами лося? Похожий прием использовал и я, только проделал его в одиночку. И уложился всего в один оборот жертвы вокруг своей оси. Оборачивающийся Непоседа не мог взять меня на прицел, потому что я все время опережал его и находился не там, куда была нацелена его «Мегера». И с каждым шагом сужал описываемую мной петлю. Сужал до тех пор, пока не очутился на расстоянии вытянутой руки от противника. После чего подпрыгнул и что есть дури звезданул каменюкой по закрытому шлемом вражьему темечку...

Хороший удар! Э, да чего скромничать: безупречный! Вон аж булыжник пополам раскололся. Обычно в суете боя мне не удается как следует прицелиться и размахнуться камнем. И оттого почти все мои удары получаются поверхностными – скользящими и не достигают того эффекта, к какому я изначально стремлюсь. Но не сегодня! Неужто это спонтанная оттепель и вызванная ею эйфория на меня благотворно повлияли? Очень даже может быть. Вот только вряд ли этого запала хватит, чтобы так же лихо разделаться с Асом. Подобное озарение меня посещает редко, и хватает его, как правило, ненадолго.

Каково вложение, такова и отдача, и мое усердие не про-

пало втуне. Огретый булыжником Непоседа выронил «Мегеру» и пластом грохнулся ниц, разбрызгав во все стороны слякоть. Ну вот, одной проблемой меньше! И возвращение на базу сразу стало казаться уже не таким далеким и недосягаемым.

Одно плохо: нельзя подобрать картечицу и пальнуть из нее по Асу. Прежде чем Хряков выдает камикадзе оружие, он программирует его так, чтобы в моих руках оно не срабатывало. Бойтсся, ублюдок, что, завладев трофейным стволом, я расстреляю авиаботы и улизну от своих хозяев на свободу. Правильно бойтсся! Первую же пушку, которую он забудет перепрограммировать для гладиаторских боев, я использую именно по такому назначению. И когда мне выпадала возможность, я всегда проверял оружие мертвых противников, дабы удостовериться, не допустил ли Грободел подобную оплошность.

Само собой, я собирался проверить и картечицу Непоседы. Оброненная, она валялась рядом с оглушенным врагом, добить коего я планировал позже. Но не успел я подскочить к трофею, как у меня вдруг возникли куда более неотложные дела.

Торчащая неподалеку глыба льда вдруг полыхнула огнем, после чего разлетелась брызгами воды и мелкими осколками. Сверкнув, словно фейерверк, они шрапнелью осыпали площадку, и я едва успел отвернуться, чтобы обезопасить лицо. Ледяное крошево больно стегануло по спине и макуш-

ке, миг изгнав из меня остатки оттепельной эйфории. Что ж, добро пожаловать обратно в реальный мир! Мир, где я противостояю сейчас двум могучим стихиям – холоду и огню. Но если к первому я уже худо-бедно привык, то со вторым мне сегодня сталкиваться еще не доводилось.

Рывком перебежав через площадку, я бросился за высокие снеговые наносы, растопить которые оттепели было не под силу. Однако череда летящих вслед за мной огненных шариков могла запросто устроить на этом пяточке пустоши маленькую весну. Вот только я ей, однако, уже не обрадуюсь.

Каждый из этих плазменных сгустков был величиной с мячик для гольфа и имел радиус поражения чуть больше метра. Но, вылетая из пальцевого импланта сталкера-энергика с частотой один выстрел в секунду, такие снаряды были крайне опасны в бою на короткой дистанции и в замкнутом пространстве. Всё оборачивалось против меня. Даже если у погнавшегося за мной Аса имелось при себе другое оружие, ему вполне хватит и одного энергетического импланта, чтобы придать мне сейчас бодрое «весеннее» настроение.

Соседний со мной сугроб превратился в брызжащий кипятком паровой гейзер, но мое укрытие уцелело. Ага, значит, Ас снова потерял меня из виду и решил побереечь энергию вшитого ему в руку плазмогенератора. Ишь ты – зомби, а не дурак. Значит, я в нем не ошибся: в прошлом он действительно являлся опытным сталкером. Но, как бы то ни было, он не сможет плевать плазмой безостановочно. Бо-

своей потенциал импланта ограничен, как и боезапас обычного оружия. Даже минимальная его перезарядка отнимает у энергика время. Экономный камикадзе станет швыряться огнем, только отчетливо видя цель. Значит, что от меня требуется? Правильно: не показываться врагу на глаза и пришибить его коварным ударом из-за угла. Одним точным, смертельным ударом, потому что нанести повторный я могу попросту не успеть.

Сейчас дождь мне не враг. Напротив, – первейший союзник. Раз уж мои легкие кеды хлюпают по слякоти, словно лапы Ихтиандра, поступь закованного в броню гладиатора и вовсе слышна издалека. Подкрасться ко мне беззвучно он не сможет. А вот я к нему – да. Надо только подстраиваться под него так, чтобы наши шаги звучали одновременно. И, естественно, прятаться. Что тоже довольно проблематично: оставляемые мной в слякоти следы размываются дождем не так быстро, как того хотелось бы.

Тем не менее наша с Асом игра в прятки началась по стандартной схеме. По моим критериям – что-то вроде классического шахматного дебюта «Е-2 – Е-4». Я, держа нос по ветру и камень в руке, крался зигзагами между препятствиями. Гладиатор шел по моим следам, словно образцовая собака-ищейка. Шел уверенно, но не спеша, поскольку явно опасался угодить в западню. Иногда, когда след жертвы сворачивал за высокий сугроб или скалу и терялся из виду, энергик делал в том направлении превентивный выстрел. В надежде,

что вспышка плазмы вскользь опалит и ослепит притаившего там противника. А затем Ас рывком огибал преграду, дабы не дать мне прийти в себя. Но, не застав меня на месте, был вынужден заново отыскивать в слякоти отпечатки моих кед и возвращаться к преследованию.

В принципе таким положением дел я был пока доволен. Оттепель, плазменные вспышки и кипящий в крови адреналин согрели меня, а отсутствие других врагов позволяло заняться последним из них без суеты и спешки. Я навязал смертнику свой алгоритм боя – это несомненный плюс. Теперь нужно выяснить, склонен ли Ас к более сложным тактическим импровизациям. И если нет, я тут же ускорю темп, обегу петлю и, очутившись у противника за спиной, проверю, насколько его голова крепче головы соратника.

Натуральное противостояние каменного века и века высоких оружейных технологий! И пока что полуголый, мечущий булыжники «неандерталец» выигрывал у напичканного имплантами «хомо модернус» со счетом один – ноль. Согласитесь, тут есть над чем призадуматься. Вам, не мне. Мне, как видите, предаваться размышлениям на отвлеченные темы элементарно некогда...

Неблагодарная публика! Вот как нужно обозвать взирающих на наше реалити-шоу «толстолобиков» и плюнуть в их мерзкие, ухмыляющиеся рожи. Примерно так я и поступил. Разве что плевать мне было не в кого, но брань, которой я покрыл своих хозяев после их вероломной выходки, была

грязной и без плевков.

Как в воду глядел, ожидая сегодня от Хрякова подлянки! Видя, что я экономлю силы и не спешу атаковать Аса, гад-полковник решил ему подыграть. Причем самым непредсказуемым для меня образом. Раньше ученые никогда не заставляли авиаботы вмешиваться в ход эксперимента. Однако в нынешнем бою кибернетические прислужники науки скинули с себя личину безразличия к творящимся внизу событиям и выказали свою истинную сущность. Вернее, сущность тех подлецов, кто все это время ими дистанционно управлял.

Все шло, как я планировал, до тех пор, пока лениво кружившие над нами авиаботы вдруг не оживились и не зависли над моей головой. Казалось бы, зависли и зависли – что тут такого? Они и раньше так делали, наводя на меня в ответственные моменты прожекторы и объективы видеокамер. Но сейчас одним лишь этим дело не ограничилось, и помимо всего вышеперечисленного я оказался заодно под прицелом пулеметов своих надзирателей.

Сразу несколько прожекторов сошлись на мне, как на выступающем с театральных подмостков артисте. А затем две ударивших сверху пулеметных очереди перерезали мне все пути для маневров. Не ожидая такой подлости, я едва успел остановиться и не попасть под пули. После чего, решив, что это какое-то недоразумение (хотел бы Хряков меня убить – просто убил бы и дело с концом), возобновил бегство. Но повторная очередь опять придержала меня на месте. И только

после этого мое терпение лопнуло, и я разразился потоками сквернословия, взявшись костерить «толстолобиков» на чем свет стоит.

А что еще оставалось делать? Бежать назад нельзя. Вот-вот из-за ближайшей преграды нарисуетя наступающий мне на пятки Ас. Тогда что? Перемахнуть через эту преграду и удрать в соседний коридор?

Легко предугадав мои намерения, авиаботы дали еще две очереди, обкромсавшие стены лабиринта справа и слева от меня. Да, красноречивый намек – как можно такой не понять? Что ж это получается: Грободел предлагает мне стать для Аса неподвижной мишенью? Ничего себе поддавки! Только что был князем, а теперь – обратно в грязь... точнее, в слякоть? Причем уже не живым человеком, а хорошо прожаренным трупом. И спасти меня сейчас, по мнению хозяев, может только мой симбионт, обязанный взять на себя управление телом носителя.

Фомы неверующие! Я десятки раз твердил им, что подобными методами им от меня ничего не добиться. Не понимают. Думают, я боюсь смерти и потому упрямлюсь! Нарочно якобы отказываюсь продемонстрировать им предел физических возможностей, оттягивая тем самым момент своего вероятного препарирования!

Ну и хрен с ними!.. В одном они правы: подыхать насильственной смертью я действительно не хочу. А особенно смертью зажаренного заживо мученика, какую «толстолоби-

ки» мне уготовили.

Обстрелянный из пулемета, ледяной гребень справа от меня стал заметно ниже. Теперь его верхушка не скрывает находящийся за ней арочный свод и часть проема под ним. В проеме – темно. Следовательно, под аркой – вход в один из уцелевших фрагментов катакомб. Лед, будто щит, перегораживает тоннель, и исчезни вдруг эта заслонка, я получил бы возможность прорвать блокаду, в которую меня загнали.

И прорву! Не своими, так вражескими силами. Лишь бы только на том конце тоннеля был не тупик, а дальше я уж как-нибудь сориентируюсь...

Идущий по моим следам камикадзе не выстрелил сразу, как только меня увидел – видимо, как-то узнал, что я заблокирован, и решил подойти поближе, чтобы не промахнуться. Но я опять повел себя вопреки ожиданиям Аса. Я не метался из стороны в сторону, а замер в напряженной позе, словно нарочно провоцировал противника на выстрел.

Хотя почему «словно»? Это и была самая настоящая провокация. Но, стоя на месте как вкопанный, мою задумку не осуществить. Поэтому, как только Ас навел на меня плазмогенератор, я метнулся к ледяному гребню, словно желая с наскока перемахнуть через него...

Вот теперь «словно» – уместное определение, поскольку в действительности я не собирался перепрыгивать этот барьер. Все, что я сделал – это оттолкнулся от него и отскочил обратно. Туда, где только что стоял. Но, прежде чем авиабо-

ты и смертник раскусили мой финт, на ледяной щит обрушились новые очереди и сгустки плазмы.

Перед такой массированной атакой преграда уже не устояла. Полопавшись от пуль и приняв на себя термический удар, она с треском и шипением разлетелась горячими брызгами и клубами пара. Весь гребень не разбился, но у входа в тоннель лед испарился почти до земли. Сознывая, что сейчас мне будет больно, я тем не менее вновь метнулся к стене и, зажмурив глаза, сиганул сквозь брызги и пар в образовавшуюся пробоину.

Сколько ожогов я получил, считать было некогда, но ошпарило меня крепко. Не в состоянии сдержать крик, я заорал во всю глотку. Но не пошел на попятную и, не сбавляя скорости, припустил в глубь тоннеля. Мое алмазное око видело в темноте, так что споткнуться и упасть я не мог. Да и не было здесь кромешного мрака, поскольку длина этого прямого коридора составляла от силы сотню шагов. Фигня, а не подземелье, короче говоря. Войти и тут же выйти. Тем более что сегодня я пробежал стометровки значительно резвее, нежели раньше, в бытность свою обыкновенным человеком.

Акустика здесь была хорошая, и звуки выпущенных Асом огненных снарядов я расслышал сразу. До выхода из тоннеля оставалось всего ничего. Гладиатор неотступно следовал за мной, так и не придумав иной, более хитроумной тактики. Хотя и нынешняя еще вполне могла обернуться для него победой. Пять или шесть сгустков плазмы летели мне вдогон-

ку, и игнорировать их было никак нельзя.

Я резко принял влево и последнюю четверть пути промчался, практически обтирая плечом стену. Плазменная очередь пронеслась в метре от меня и ревущим пламенем разбилась о скалу, что возвышалась аккурат напротив выхода. Выскочив наружу, я понадеялся, что вспышка на миг ослепит противника, и он не заметит, куда меня затем понесло. А понесло меня не прямо, не направо и не налево, а вверх. На верхушку сводчатого края тоннельного коридора.

Только бы треклятые авиаботы не сорвали мой замысел и не согнали меня с этой позиции! Я бросил мимолетный взгляд в небо: гнусные летающие предатели все еще метались над противоположным концом тоннеля, будто потерявшие след гончие. Очевидно, облако пара ослепило их инфракрасные сенсоры и помешало определить, в каком направлении я двинулся. Крайне удачное обстоятельство. Пускай немного поломают свои электронные мозги над этой загадкой, а я тем временем познакомлюсь с Асом поближе.

Этот ублюдок воевал со мной не разумом, а фактически одними инстинктами, но работали они у него – дай Бог каждому. Я намеревался сигануть противнику на голову, но он вырвался из тоннеля, будто угорелый, явно учуяв, что его ожидает на выходе. Если бы не его усиленный эхом, приближающийся топот, мне точно не удалось бы вовремя среагировать на появление врага. Но сколь бы резво он ни бежал, мой камень оказался быстрее и настиг цель, едва она очути-

лась снаружи.

Выскочив, гладиатор сразу же обернулся и в следующий миг получил булыжником по забралу шлема. А вслед за камнем на ошарашенного Аса обрушился я. Ударив его пятками в грудь, я уронил противника навзничь, после чего сам плюхнулся в слякоть рядом с ним. Ни оглушить, ни тем более убить его с наскока не удалось, но я на такое везение и не рассчитывал. И когда он, перевернувшись на живот, попытался встать, я – более легкий и проворный – уже навис над ним, замахиваясь тем же камнем. По счастью, тот не укатился далеко и был подобран мной, стоило лишь дотянуться до него рукой.

Повторно бить камикадзе по голове я не стал. Даже оглушенный, он мог вскинуть руку и пальнуть по мне в упор из плазмогенератора. Противника следовало прежде всего обезоружить, и лишь потом покушаться на его жизнь.

Выбить оружие, которое являло собой пальцевые импланты, было нереально. Я поступил менее гуманно – сломал врагу конечность, пока она не нацелилась в меня. Сталкер как раз уперся ладонями в землю, собираясь вскочить, и я шарахнул ему булыжником точно по оттопыренному локтю. Тот хрустнул, покалеченная рука Аса вывернулась неестественным образом, а сам он издал гортанный хрип. И, вместо того, чтобы встать, снова завалился ниц.

Второй попытки подняться я ему, разумеется, не дал. Пнув врага по сломанной кости, я усилил ему болевой шок,

после чего вскочил Асу на спину, обхватил его обеими руками за шею и, стиснув объятия, оттянул вражескую голову назад до упора. Выгнувшись дугой, гладиатор взялся было здоровой рукой изо всех сил бить мне по предплечью, пытаясь ослабить мою хватку. Но я быстро пресек это, повалив противника набок так, чтобы он не мог пошевелить боеспособной конечностью. Придавленная к земле, она утратила подвижность, а Ас – последнюю возможность оказать мне сопротивление.

Прозревшие авиаботы обнаружили меня, когда я все еще сжимал горло смертника, ожидая, когда у него утихнут конвульсии. Похоже, Грободел проморгал последнюю стычку и вновь подключился к трансляции после того, как все интересное закончилось. Тело гладиатора закрывало меня, словно щит, но против импульсных пулеметов этот щит был бесполезен. Однако пускать в расход строптивного подопытного «Светоч» явно не торопился. Я не пал от руки Аса, коему «толстолобики» внаглую подыграли, и потому, видимо, их планы опять переменялись.

А может быть, мое умерщвление было отсрочено до прибытия на базу? И правда, зачем Хрякову лишняя возня, если будущий труп может дойти до разделочного стола на собственных ногах?

Впрочем, между мной и теплой камерой (либо все-таки моргом, жаловаться на температуру в котором я уже вряд ли буду) лежало одно незаконченное дело. Или, вернее, недоби-

тое тело. И возобновившийся буран, что вдруг сменил мимолетную оттепель, недвусмысленно намекал мне: медлить с расправой над Непоседой не в моих интересах. Об этом также напоминали насквозь промокшие трусы и кеды, которые грозили вот-вот задубеть на морозе и добавить мне лишних мучений.

Собачья жизнь, говорите? Какое там – хуже! Подопытные дворняги академика Павлова хотя бы памятника от благодарных ученых удостоились. А мне даже о нормальной могилке мечтать заказано. Но чего не сделаешь во благо науки и шанса дожить до завтрашнего дня. Пускай даже он будет ничуть не лучше, а то и гораздо отвратительней, чем день сегодняшний...

Глава 2

Пути ученых, как и пути Господа Бога, чье существование «толстолобики» официально опровергают, так же неисповедимы. По крайней мере, для подопытных кроликов вроде меня. Предоставив фору Асу, Грободел тем не менее не стал помогать Непоседе. Даже несмотря на то, что он, в отличие от более матерого соратника, действительно нуждался в поблажке наших арбитров.

Авиаботы безучастно взирали с небес, как я подбираю очередной камень – на сей раз увесистее и убойнее прежних, – и направляюсь с ним к недобитому камикадзе. Он очнулся, но еще толком не оклемался и стоял на четвереньках, собираясь с силами и явно планируя возобновить бой. Задержись я на минуту-другую, и Непоседа, глядишь, поднялся бы с четверенек на ноги. Однако что толку? Встать бы он встал, но достойный отпор уже вряд ли бы мне дал. И в итоге снова плюхнулся бы ничком на обледенелые камни, чтобы уже никогда с них не подняться.

– Ничего личного, приятель, – произнес я, приближаясь к жертве с пудовым булыжником на плече. – Ни я, ни ты не виноваты в том, что здесь очутились. Просто сегодня одному из нас повезло больше, а другому – меньше. Поэтому не обессудь. Поверь: на твоём месте я бы тоже на тебя не обиделся...

Что вы сказали, прошу прощения? «Какой кровожадный цинизм!», «А как же милосердие и человеколюбие?» «Где мой гуманизм, который отличает высшее существо – человека, – от животных?»

Все понятно. Дайте-ка угадаю: с вами, в отличие от большинства здесь присутствующих, мы встречаемся впервые, верно?

Как я это узнал? Нет, не потому что у меня хорошая память на лица. Дело в другом: бескомпромиссные сторонники гуманистических взглядов до конца моих историй попросту не досиживают. И тем более не приходят слушать их впоследствии. Уж больно коробят хронического человеколюбца те принципы, которых я придерживаюсь с тех пор, как поклялся не дать себя прикончить ни в Пятизоне, ни за его пределами. Ведь там, за Барьером, у меня остались жена и дочь, которые вот уже пять лет вынуждены скрываться от охотников за моими алмазами. И к которым я поклялся однажды вернуться. Сразу, как только избавлюсь от своего проклятия и вновь стану полноценным человеком, способным жить вдали от питающих моего паразита энергией гиперпространственных аномалий.

Но вы задали вопрос, и мне придется на него ответить. Где, черт побери, мой гуманизм? Так вот же он, прямо перед вами. Весь, как на ладони. Чистейший, неразбавленный гуманизм высшей пробы. Без примесей каких-либо предательских сомнений и двусмысленности...

В упор не видите? Тогда следите за мыслью.

Из двух выживших на этот час противников на базу возвратится только один. Или, в худшем случае, никто. Иных вариантов нет. В «Светоче» всем заправляют военные, а порядки у них железные и оспариванию не подлежат. Согласно подлинно гуманистическим убеждениям, жизни всех людей на планете имеют равнозначную ценность, и потому нет принципиальной разницы, кто сегодня выживет: я или мой противник. Но человеколюбие-то – штука субъективная. Оно не существует в отрыве от человека и не может быть направлено ни на кого другого, кроме человека. И опять-таки без разницы, на какого, ведь все мы равны, помните? Вот почему сейчас, при изначально одинаковых условиях моего выбора, для меня будет гуманнее спасти того из нас, к кому лично я испытываю наибольшую симпатию и уважение.

То есть, конечно же, я спасу себя.

Как видите, я вам не соврал: все очень гуманно и справедливо.

«Ага! – потирает руки мой слушатель-гуманист, заметив, как ему мнится, прореху в моей кристально честной логике. – А вот если бы, например, на месте этого несчастного, кому ты собрался разmozжить голову, оказался ребенок? Что тогда?»

А ничего. Ваше «если бы» – это лишь никчемные, высосанные из пальца домыслы. За действия Мангуста в ваших фантазиях я – настоящий Мангуст – не несу решительно ни-

какой ответственности. Мы с вами говорим о реальном сегодняшнем положении дел. А оно таково, что никакого ребенка здесь нет и быть не может. При всей жестокости «Свечка» втягивать в свои эксперименты детей ему и в голову не пришло. Равно как и у меня не хватило воображения представить такую немыслимую ситуацию. И заметьте: это не мне, не «толстолобикам», а вам не терпится взглянуть, как повел бы себя Алмазный Мангуст, столкнусь он вдруг на этой кровавой арене с ребенком!

Ну и кто из нас – я или вы – может считаться после этого наиболее гуманным человеком?..

Впрочем, за нашими философскими спорами мы здорово отклонились от темы. Виноват. Немедленно исправляюсь и возвращаюсь к нашему повествованию...

Дабы раз и навсегда разрешить печальную участь смертника, я не стал ломать ему руки и ноги, а просто сорвал с него шлем. Все, что мне после этого оставалось, это хорошенько размахнуться и обрушить камень на макушку стоящего на четвереньках врага...

Перехватившись за края продолговатого булыжника, я набрал полную грудь воздуха, занес свое карательное орудие над головой Непоседы и...

Коварство переломных моментов в нашей жизни состоит в том, что порой они происходят столь внезапно, что мало чем отличаются от того же удара камнем по голове. Нечто подобное я сейчас и пережил. И в итоге вышло так, что это я

фигурально огрел себя по лбу собственным булыжником. А Непоседа, напротив, сумел его избежать практически за миг до своей смерти.

– ...твою мать! – вырвалось у меня в сердцах вместе с резким, сопровождающим мой удар выдохом. Но в этот же миг я поневоле отшагнул назад, и камень упал не на темя жертвы, а прямо перед ней. Смертник поморщился от брызнувшей ему в лицо слякоти и вытаращился на булыжник так, словно я швырнул наземь не его, а бриллиант аналогичной величины.

– У-у-у! – прогудел при этом Непоседа и ткнул в камень указательным пальцем. – У-у-у... блин!

Вообще-то, внешне мой булыжник походил не на блин, а скорее на хлебный батон. Но спорить со смертником по поводу не принципиального для нас обоих разногласия я не стал. Вместо этого с изумлением и нескрываемой радостью воскликнул:

– Жорик! Сукин ты сын! Какого хрена ты здесь делаешь?!

– А? – переспросил... или, вернее, просто акнул мой невесть откуда взявшийся напарник, переведя немигающий взгляд с булыжника на меня. – Кто... Жо... блин?

Никакой ответной радости в голосе Дюймового не слышалось. Да и в глазах не было даже намек на то, что он меня узнал. Черный Джордж смотрел на меня с тупым овечьим безразличием, без присущей камикадзе ярости, и в драку больше не лез. Вот только нужно ли этому радоваться, пока

неясно.

Вместилище и без того невеликого ума Жорика, как и головы прочих хряковских смертников, подверглось капитальной промывке. Причем последнее вмешательство извне в скрипучую работу Жорикового мозга было на порядок серьезнее тех, которые этот парень претерпел на службе Ордена Священного Узла. По крайней мере, Командор Хантер и прежний наставник Дюймового, ныне покойный узловик Ипат лишь дурили этого простака, превратив его в свою марионетку, но отнюдь не в олигофрена. «Светоч» шагнул в этом плане гораздо дальше. Чем он воздействовал на сознание Жорика – гипнозом, психотропными препаратами или еще какой зомбирующей дрянью, – понятия не имею. Но выглядел бедолага донельзя беспомощно и жалко.

Хотя его беспомощность – это, судя по всему, уже моя заслуга, а не «Светоча». Огрев бывшего напарника по шлему бульжником, я явно сбил заложенную в камикадзе боевую программу. Отчего тот больше не набрасывался на меня, брызжа в бешенстве слюной. Но и перезагрузить мозг Черного Джорджа, вернув парню здравый ум и твердую память (в смысле, настолько здоровые и твердые, какими они были у него прежде), мне не удалось.

Утратил ли Дюймовый разум безвозвратно? Кто знает. Но, с другой стороны, работа, на которую Грободел рекрутировал Жорика вопреки его воле и заключенному со мной договору, не требовала от сталкера ни особого умственно-

го напряжения, ни нужды запоминать все, что он тут делал. При всей моей жалости к этому неплохому в прошлом парню приходилось признать: сегодня безумие для него – скорее благо, нежели проклятие. Ведь, если верить Церкви, все блаженные так или иначе попадают в рай, ибо они не ведают, что творят, даже если творят откровенное зло.

– Черный Джордж! – сострожился я в надежде, что мой грозный голос пробьет покосившийся, но все еще устойчивый ментальный барьер, возведенный «толстолобиками» в голове у Жорика. – Хорош придуриваться! Вставай!.. А ну встать, кому говорят!

– Чер... Джо... тать! Блин! – встрепенувшись, пролепетал бедолага. И... подчинился, взявшись неуклюже, но весьма целеустремленно подниматься с четверенок!

Ай да я, ай да молодец! Не имея ни опыта работы с сумасшедшими, ни вообще медицинского образования, так быстро установить контакт с одним из них! Надо же, четвертый десяток разменял, а все еще продолжаю открывать в себе всевозможные таланты!

Правда, ликование мое продлилось недолго и сошло на нет еще до того, как Дюймовый оказался на ногах. Стоило лишь мне взглянуть на авиаботы, о коих я на радостях ненароком позабыл, и меня вновь охватило уныние, а продрогшее тело сразу вспомнило о холоде.

– Эй, Хряков! Будь ты проклят, лживая гнида! – воззвал я к небесам, глядя в нацеленные на меня оттуда объективы ви-

деокамер. Радость от нечаянной встречи с напарником быстро переросла во мне в лютую, под стать усиливающемуся бурю, ярость. – Ты ведь дал мне клятву, что мои друзья получают амнистию и уедут отсюда за Барьер свободными! Я свою часть нашего договора выполнил?! Выполнил! А ты, тварь, вот так, значит, решил со мной поступить?! И как это прикажешь понимать?!

Я гневным жестом указал на Жорика. Но его на прежнем месте уже не было. Зато за спиной у меня выросла зловещая, растопырившая руки тень.

Вот паскудник! Стоило мне лишь на миг отвлечься, как этот псих тут же вышел из-под моего контроля. А вой ветра и мельтешение снежных хлопьев позволили Дюймовому незаметно подкрасться ко мне сзади.

Вмиг забыв о Грободеле, я обернулся и едва успел увернуться от двух пятерней, что спустя миг грозили сомкнуть у меня на горле. Хорошо, что Дюймовому не хватило ума подобрать и метнуть в меня мой же камень, а иначе все обернулось бы куда хуже.

– Старый трюк, Жорик! – процедил я сквозь зубы, уклоняясь от второй, столь же неуклюжей, но не менее энергичной атаки. – Мы с тобой этот урок уже проходили! Забыл, что ли, как вверх тормашками на столбе болтался, рыцарь недоделанный?

Черный Джордж издал в ответ короткий, утробный рык, который можно было трактовать и как «да», и как «нет». Я

же, не дожидаясь, когда противник возобновит атаку, подскочил к нему и с ходу, что есть мочи зарядил ему кулаком в скулу.

Будь на голове сталкера шлем, я бы попросту сломал о него руку. Но, поскольку голова психа была сейчас непокрыта, мой удар возымел именно тот эффект, на какой я рассчитывал. Получив по морде, увальень взмахнул руками, попятился, но потерял равновесие и грузно плюхнулся задницей на подмерзшую слякоть. После чего так и остался сидеть, протянув ноги и тряся ушибленной головой, чье содержимое было взболтано мной за сегодня уже повторно.

Агрессивный настрой Дюймового опять иссяк. Но, наученный опытом, теперь я не впал в заблуждение при виде этого коварного спокойствия. Однако и добивать Жорика, дабы избавить его от страданий, пока не спешил. Во-первых, потому что он вовсе не походил на страдальца. А во-вторых, все-таки мы с ним успели на пару не один пуд соли съесть, чтобы вот так, хладнокровно, лишить этого простодушного балбеса жизни. Пусть пока поживет. Тем более что для обуздания его агрессии, как выяснилось, не так уж много и надо.

Однако не успел я потерять отбитые костяшки кулака, как произошло еще кое-что. И это «кое-что» шло вразрез с моими планами даровать Черному Джорджу пощаду.

– Убей его, Хомяков! – Небеса, к которым я только что зывал, соизволили наконец-то откликнуться. Голос полковника Хрякова доносился из динамиков авиаботов и был как

всегда резок и суров. – Сверни сосунку шею, и на сегодня твои мучения прекратятся! Вертолет не прилетит за тобой до тех пор, пока ты не завершишь эту миссию согласно протоколу!

– А не пошел бы ты в задницу, хрен собачий, со своими миссиями и протоколами! – вновь вскипел я. Не забывая, разумеется, следить вполглаза за неблагонадежным Жориком. – Ты нарушил наш договор, поэтому можешь считать, что отныне он недействителен! Всю зиму я только потому и позволял вам изгаляться надо мной, чтобы вы отстали от моих товарищей и больше их не трогали! И в итоге я, по вашей же прихоти, должен одного из них казнить? Да вы вконец рехнулись?!

– С каких это пор у нас принято давать клятвы и заключать договора с подопытными крысами? – как ни в чем не бывало ответил Грободел. – Можешь думать что угодно и обвинять нас в чем угодно, Хомяков, только это ни на йоту не приблизит тебя к горячему душу и ужину. Или добивай противника и возвращайся, или оставайся там и замерзай насмерть. Твоя жизнь будет интересовать нас до тех пор, пока ты сам не утратишь желание за нее бороться. Так что цепляйся за нее зубами и ползи вперед по трупам! Или иначе через пару часов мы вырежем из тебя алмазы, а бесполезные ошметки твоей плоти вышвырнем на помойку! Решать тебе! Я все сказал! Конец связи!

Услыхав столь безапелляционное заявление, я задохнул-

ся от бессильного негодования. Только тут до меня дошло: и моя неожиданная встреча с Жориком, и наплевательство Хрякова на наш с ним договор, и полковничий цинизм – все это тоже часть научного эксперимента. Вписанный в его протокол новый, не опробованный ранее пункт, меняющий научную стратегию «Светоча».

Не достигнув нужного результата простым путем, – стравливая меня не на жизнь, а на смерть с матерыми убийцами, – «толстолобики» решили зайти с другого фланга. А что, тоже любопытный вариант: повергнуть испытуемого в шок и ярость, обратив в полное ничтожество и официально низведя его до уровня подопытной крысы. Гнев гневу рознь. Кто знает, вдруг, загнанный в угол, я впаду в дикое безумие, и во мне проснутся-таки те аномальные качества, которые ученым так и не удалось за три месяца пробудить.

Пробудить не пробудили, но сегодняшним своим вероломством «толстолобики» и впрямь разъярили меня как никогда прежде. И потому за бурным потоком адресованных Грободелу проклятий я поначалу не разобрал, что пробурчал сидящий неподалеку Дюймовый. Это было первое его слово, сказанное с момента нашей последней стычки, что, естественно, не могло не привлечь мое внимание.

– А ну-ка повтори! – потребовал я, уловив в бормотании психа вроде бы знакомое сочетание звуков.

– Динара, – послушно произнес тот, покачав головой. Речь его звучала теперь гораздо увереннее и разборчивее, нежели

после первого пережитого им удара по голове.

– Что с Динарой? – поинтересовался я, хотя предчувствовал: вряд ли судьба Арабески сложилась удачнее мученической доли Черного Джорджа.

– Ушла... Навсегда, – вымолвил он, продолжая безостановочно качать головой, словно китайский болванчик. – Без меня... Блин!

– Как это случилось? – помрачнев, продолжил я допрос. Глупо, конечно, верить словам сумасшедшего. Но в его голосе сквозила отнюдь не наигранная печаль, и значит, все сказанное им вполне могло являться правдой.

– Ушла навсегда. – На сей раз смысл моего вопроса до Жорика явно не дошел. – А я остался... Один... И скоро умру!

– Блин!.. Ты считаешь, мне здесь светит стать долгожителем? – Я задумался. Любопытно: а ведь он сказал «скоро умру», а не «*тоже* скоро умру». Разговаривай я с нормальным человеком, отсутствие в его ответе этого ключевого союза многое расставило бы на свои места. Но делать твердые выводы на основе Жориковых причитаний было нельзя.

Кроме, пожалуй, одного: мой кулак повлиял на связность его речи благотворным образом...

О, да, знаю, о чем вы сейчас подумали! И меня посетила аналогичная мысль: попробовать окончательно вправить напарнику вывих мозга еще парой-тройкой терапевтических зуботычин. Но то, что выглядело логично в теории, на прак-

тике могло обернуться совершенно непредсказуемо. Сомнительная это методика – чинить молотком заглочивший процессор. Даже если такое радикальное вмешательство даст поначалу нужный эффект, где гарантия, что следующий удар не аннулирует достигнутый результат? Или того хуже – не нанесет высокоточной технике гораздо больший урон?

А впрочем, что мы – потенциальные покойники – сейчас теряем?

Я взгляделся в слегка просветлевшее, но все еще отрешенное лицо Черного Джорджа. Бедолага! Прошел со мной плечом к плечу огонь и воду – и такой бесславный финал! Не в русских это традициях, чтобы Иванушка-дурачок превращался под конец сказки вместо царевича в полного дебила, а затем склеивал ласты...

Ладно, так и быть – двинем ему из сострадания по башке еще разок. Как говорил горячо любимый шеф одного киношного бандита: будем бить аккуратно, но сильно. Всего один разок! Ну а там поглядим, какой из меня мозгоправ. И если хреновый, значит, придется от психотерапии сразу переходить к эвтаназии. Науке, в которой я уж точно не оплошаю...

– Динара ушла, – повторил Дюймовый, уныло таращась на носки своих ботинок. Я же в этот момент, стиснув для удара кулак и избегая резких движений, осторожно заходил пациенту за спину. – Ушла с ними! Навсегда! Они ее заставили! Они!

Сталкер поднял руку и указал на авиаботы. Оба летающих соглядатая снизились и, зависнув рядом друг с другом, навели на нас пулеметы, словно ожидающая приказа «Пли!» расстрельная команда. Наверняка «толстолобики», следящие за нами через объективы камер, заключили между собой пари, чем завершится сегодняшний эксперимент. Азартная складывалась игра, учитывая, что я сам понятия не имел, каким выдастся ее финал.

– Силой заставили! Сволочи! – продолжал Жорик. И, немного помолчав, резюмировал: – Убить вас мало! Блин!

Сказано это было по-прежнему унылым, спокойным тоном. И кто бы мог представить, насколько обманчивым оказалось Жориково спокойствие! Мгновение – и парня будто подменили. Он вскочил с земли с такой решимостью, что когда я бросился к нему, дабы уговорить, он толчком отшвырнул меня назад на несколько шагов.

Поскользнувшись, я прокатился голой спиной по застывшей слякоти, после чего, завывая от боли, сделал обратный кувырок и снова очутился на ногах. Три секунды, и я опять готов к бою. Что мог успеть за столь малый срок Дюймовый? Думаете, ничего? Как бы не так! Чертов псих умнел прямо на глазах. И когда я схватил первый подвернувшийся под руку камень, сталкер уже держал наперевес куда более весомый контраргумент. Такой, против которого мой булыжник выглядел просто смешотворно.

Импulseная карточница «Мегера»! Та, с которой Гробо-

дел выпустил Черного Джорджа на арену и которую он выронил, когда впервые схлопотал от меня по голове. Однозарядное ручное орудие, оно сполна компенсировало свою низкую скорострельность немереной мощностью и обширным сектором поражения. Идеальная пушка для зомбированного сталкера, утратившего навыки прицельной стрельбы и тактического мышления.

Отбросив вмиг ставший бесполезным камень, я метнулся за ближайший обломок скалы, хотя и сознавал: выстрел «Мегеры» шутя обратит его в крошево, а меня – в разбросанные по льду ошметки. Оставался один шанс: разъяренный псих утратит самоконтроль и пальнет сгоряча куда-нибудь в другую сторону.

Я уже не раз сетовал вам на то, что в Пятизонье мои желания сбываются крайне редко. Да и те, что сбываются, не всегда соответствуют возложенным на них надеждам. Но, как бы то ни было, порой и для меня звезды выстраиваются на небе в удачный порядок. И тогда происходит чудо: я вытягиваю из колоды козырного туза, который позволяет мне переломить ход, казалось бы, проигрышной партии в свою пользу.

Дюймовый не выстрелил по глыбе, за которой я прятался. Как выяснилось, его новый всплеск агрессии был вообще направлен не на меня, и на уме у Жорика зрело совсем иное злодейство.

Являлось ли это следствием второго перенесенного им

удара по голове? Или причиной описанного далее события послужили нахлынувшие на парня горестные воспоминания, сумевшие вернуть его к реальности через эмоциональное потрясение? Трудно сказать – я ведь не психиатр. Но так или иначе, а сейчас передо мной вскочил с земли и схватился за карточницу уже не хряковский камикадзе, а практически тот самый Черный Джордж, какого я прежде знал. И стоять в этот миг у него на пути я бы не советовал никому.

Само собой, надзирающие за нами авиаботы были вовсе не *они* — те самые негодяи, которые, по словам Дюймового, разлучили его с Динарой. Но именно на них – железных пособников Центра – он обрушил свой праведный гнев. Град картечи врезался в летающих роботов, превратив один из них в груды рваного металла, а второму лишь оторвав правую турбинную консоль. Что, в общем-то, тоже было фатальным повреждением. Реактивная струя, бьющая из уцелевшей мини-турбины, закрутила потерявшего равновесие летуна, и он, выписав в воздухе крутой зигзаг, грохнулся на скалы. После чего стал неотличим от растерзанного картечью собрата, чьи останки рухнули неподалеку от него мгновением раньше. Две оранжевые вспышки полыхнули в белой пелене бурана, но не погасли окончательно, а превратились в чадающие, ревушие на ветру костры. Которым предстояло гореть до тех пор, пока огонь не сожрет все разлитое авиаботами топливо.

А Черный Джордж опустил «Мегеру», да так и остался стоять в этой позе, глядя в молчании на содеянное им без-

образиие.

Перезаряжать оружие он не спешил, и я, осмелев, выбрался из-за камня и настороженно приблизился к ботоубийце. Тот заметил мое присутствие, обернулся, выронил картечицу и, недоуменно наморщив лоб, осмотрел меня с ног до головы. Теперь взгляд у Жорика был не угрюмо-отрешенный, а самый что ни на есть живой и наполненный хорошо знакомым мне глуповатым простодушием. Тем, что в былые времена никогда не сходило у него с лица и являлось по сути исчерпывающей характеристикой этого раздолбая.

– Геннадий Валерьич? – неуверенно осведомился Дюймовый. – Это... точно вы?

– А что, без смокинга я на себя уже не похож? – задал я встречный вопрос, пританцовывая от холода и растирая руками заочеченвшее тело. – Ну извини! Кабы знал, что встречу здесь старого друга, оделся бы поприличнее.

– Да, это – вы, – прекратил сомневаться Жорик, видимо, решив, что вряд ли обычная галлюцинация стала бы говорить с ним в таком тоне. – Честное слово – вы! И-эх, блин!.. Здорово!.. Как же я рад вас видеть!

– А я-то как счастлив, что ты наконец-то пришел в себя! Так счастлив, что прямо обнял бы тебя, балбеса, да боюсь, к твоим доспехам примерзну, – в свою очередь, порадовался я, пожалуй, первой хорошей новости за очень долгое время. – Каюсь: думал, ты из своей нирваны больше не вынырнешь. Хотел грешным делом тебя уже того... Ну, ты понимаешь...

А, забудь про эти мелочи! Лучше скажи, как себя чувствуешь? Голова не болит? В ушах не звенит? Галлюцинации не докучают? Желания задушить меня больше нет?

– Задушить?! Вас?! За что?! – изумился Жорик. Конечно же, искренне – лицемерить и притворяться этот простак никогда не умел. А затем, озадаченно нахмурившись, посмотрел на свои руки и с опаской поинтересовался: – А почему вы спрашиваете? Я что... и правда пытался?

– Ерунда! Всего один раз и то, как видишь, неудачно. Дело житейское, с кем не бывает? Или, полагаешь, я от тебя пощечинами отбивался? – отмахнулся я, косясь на горящие останки авиаботов. Столько тепла пропадает зря! И совсем рядом! Какой восхитительный соблазн! Воистину, надо быть Снежной Королевой или Дедом Морозом, чтобы устоять против такого искушения. – Ладно, сгребай свои манатки и айда к огню. Продрог я совсем, зуб на зуб не попадает. К тому же нам с тобой надо еще кое-какие дела обмозговать, пока чистильщики не вернулись.

– Чистильщики? – вздрогнув, переспросил Дюймовый и начал испуганно озираться.

– Ну да, – подтвердил я, продолжая ежиться и стучать зубами. – Не думаешь же ты, что, сбив два авиабота-надзирателя, мы сразу получили вольную? Нет, Черный Джордж, за истинную свободу тебе и мне придется еще побороться. Однако у меня есть мыслишка, как нам с тобой не дать себе подохнуть. Но сначала – срочно к теплу! Хотя бы на полминут-

ки! А то, кажется, у меня уже не только пальцы, но и мозги смерзлись.

И я, будучи не в силах сопротивляться манящим отблескам пламени, припустил к ближайшему костру...

Вот он, истинный, ни с чем не сравнимый кайф! Очень жаль, что им нельзя наслаждаться вечно. Но и такое мимолетное блаженство – прямо как райский оазис посреди бескрайнего ледяного ада. А метель усиливается, и очередной оттепели в ближайшие час-полтора явно не предвидится. Впрочем, оно и к лучшему. Авантюру, которую я задумал, гораздо удобнее проверить в непогоде и сумерках, которые как раз начинали сгущаться над Крымом.

– А что случилось с вашей одеждой? – полюбопытствовал Жорик, присоединяясь ко мне, стоящему у костра и поворачивающемуся к огню то одним, то другим боком. – Надеюсь, это не я вам ее изорвал?

– Нет, не ты, успокойся, – ответил я. – Это Хряков меня таким образом всю зиму в черном теле держит. Ни ты, ни твой debil-соратник на мое целомудрие, к счастью, не покушались. Хотя что там у вас на уме было, я понятия не имею. Со «Светоча» взятки гладки – он мог вам и такую программу в мозги вшить... Кстати, что случилось с Динарой? Надеюсь, она жива? Ты вроде бы сказал, что чистильщики куда-то ее насильно отправили. Куда именно?

– Когда это я вам такое говорил? – округлил глаза сталкер.

– Сразу после того, как попытался меня придушить и по-

лучил по морде, – напомнил я. Но, всмотревшись в честные, удивленные очи простофили, понял, что мой вопрос поставил его в тупик. – Постой-ка! Да ты хоть помнишь, как впал в ярость и сбил вот эти авиаботы?

– Как сбил – помню, – признался Дюймовый. – Как разозлился на чистильщиков, тоже помню, но смутно, словно в тумане. А вот почему я на них разозлился и как вообще здесь очутился – уже не припоминаю. Простите, Геннадий Валерьевич. Это плохо? Я вас подвел? Теперь мы все умрем?

– Мы так и так рано или поздно умрем. Но пока у нас есть силы и зубы, значит, будем брыкаться и кусаться, – глубокомысленно заметил я и, немного подумав, решил подступить к дырявой памяти напарника с другого фланга: – Ну хорошо, а момент, когда ты перестал себя контролировать, помнишь?

– То есть день, когда мне начали колоть в шею зеленую дурь, после чего меня стало не по-детски плющить? – оживился Черный Джордж.

– Да, именно так, – кивнул я, хотя и не был уверен, что мы с напарником ведем речь об одном и том же событии.

– А какое сегодня число? – вновь поинтересовался он.

– Хороший вопрос, дружище. – Теперь я был загнан в тупик. – Сейчас, по всем предпосылкам, первая декада февраля. Но могу и ошибаться. В лабораториях, где меня держат, нет ни часов, ни календаря.

– Первый укол мне сделали примерно через две недели

после Нового года, – поскребя макушку, припомнил Дюймовый. – Это совершенно точно. В изоляторе у нас с Динарой была возможность обмениваться записками, и она всегда знала правильную дату.

– Ушлая малышка, – пробормотал я под нос. – Узнаю пройдоху-Арабеску. Везде, даже в тюрьме, с комфортом устроится. И под каждым её кустом здесь готов и стол, и дом.

– При чем тут кусты? На что это такое вы намекаете? – вдруг насупил брови Жорик и посмотрел на меня с открытым недружелюбием.

Надо же! Весьма показательная, между прочим, реакция. Особенно если вспомнить, как эти две крайне противоречивые личности сдружились в ходе наших поисков Мерлина. Да, похоже, многое изменилось в отношениях Арабески и Черного Джорджа с тех пор, как я видел их в последний раз. Любопытно, о чем таком они писали друг другу в своих тюремных записках?

– Остынь, Жорик, – попросил я, дав себе зарок впредь воздерживаться от подобных комментариев. – Ни на что я не намекаю – просто к слову пришлось. Неудачная цитата, согласен... Так что там насчет уколов, какие тебе ставили в последние две или три недели?

– Значит, февраль, говорите? Н-да... Прямо в толк не возьму, когда успело так много времени пройти. – Озадаченный Дюймовый пожал плечами. – Для меня все эти дни, будто сон, пролетели. Причем чем дальше, тем я в него все

глубже и глубже проваливался... А затем бац! – резкое пробуждение! Будто кто-то меня во сне несколько раз пребольно ущипнул. И я на этого шутника так разозлился, что вскочил с кровати и сразу же спросонок в драку полез. «Ну все, достал! Конец тебе, урод!» – примерно такие мысли у меня тогда были. После чего шары продрал и вижу: горящие авиаботы с неба падают, а в руках у меня – картечница... Потом-то я прочухался, но все равно, даже сейчас перед глазами все словно не наяву. Смутно верится, что я и вы стоим сейчас здесь и разговариваем... А что, я во сне... ну, то есть под кайфом, вам про Динару все прямо так и сказал?

– Совершенно верно. Почти слово в слово. И не похоже, чтобы ты бредил. Очень уж связные и горькие были твои откровения.

– Странно. Ни хрена не помню и не врубаюсь, откуда я мог это взять... Хотя если напрячь мозги... Хорошенько напрячь!..

Черный Джордж уставился на огонь и взялся тереть ладонью наморщенный лоб, очевидно, подстегивая тем самым стартовавший за ним мыслительный процесс. Усердие, с которым сталкер предался воспоминаниям, было столь велико, что казалось, будто я даже слышу, как в голове у Жорика что-то бурлит, поскрипывает и потрескивает. И хотя все эти звуки издавали пылающие останки авиабота, я все равно забеспокоился. Опасное это дело: включать мозги после долгого бездействия и тут же переводить их в форсированный

режим работы. Особенно, если раньше напарник пользовался ими лишь от случая к случаю. Того и гляди, перегорят, а перегоревшие мозги – это вам не лампочка; их из черепной коробки не выкрутишь и на новые не заменишь.

– Короче, мыслитель: хватит пар из ушей пускать! – не выдержал я, замаявшись глядеть на Жориково самоистязание. – Крышка вон на котелке уже дребезжит! Сорвет ее не ровен час, и что тогда прикажешь с тобой делать? Да и хватит уже расслабляться – пора за работу! Вертолеты с чистильщиками наверняка вот-вот с базы вылетят, а мы еще тут топчемся.

– Записка! – вдруг встрепенулся Дюймовый, резко прекратив тереть лоб и выставив палец в небо. – Точно! Была ведь еще записка! От Динары! Уже после того, как мне стали зеленую дрянь колоть! Я тогда туго соображал, но записку прочесть смог. А когда прочел, сильно осерчал и буянить начал – это я тоже помню. И после этого мне аж двойную норму зеленой дряни впендюрили! То ли в наказание, то ли, чтобы успокоить...

– И о чем конкретно говорилось в той записке?

– О чем?.. Хоть убейте, не помню! Блин! Блин! Блин! – Дюймовый в отчаянии постучал себя по лбу, словно пытаюсь вытрясти эту подробность из упрямой памяти так, как пропойцы вытрясают из пустой бутылки последние капли. – Читал – помню! Разозлился – помню! Почему разозлился – забыл!.. Ну в кого, скажите, Геннадий Валерич, я – такой

пустоголовый идиот – уродился?

– Понятия не имею. Я ваше генеалогическое древо не изучал. Однако будь уверен: твои потомки – если, конечно, таковые появятся и тоже когда-нибудь зададутся этим вопросом, – быстро найдут ответ, в кого они такие уродились, – заключил я. И, всмотревшись с тревогой в затянутое снежной пеленой небо, отрезал: – Ну все, Черный Джордж, баста! Хватит предаваться ностальгии, проваливаем отсюда! Все равно, если мы не удерем от «Светоча», твои воспоминания нам ничем не помогут.

– А как мы от него удерем?

– Идем, по дороге расскажу. Здесь недалеко – пара минут ходьбы, не больше. И не забудь прихватить «Мегеру» – она нам еще понадобится...

Глава 3

Впервые за все время экспериментов надо мной «Светоч» умудрился потерять сразу оба авиабота и оставить меня без надзора. Однако вряд ли сегодняшняя накладка стала для полковника Хрякова форс-мажором. У него, большого знатока своего дела, наверняка имелись оперативные сценарии для каждого вероятного эксцесса, какие могли произойти на полевых испытаниях.

Тот факт, что мне нельзя вживить датчик-маячок, ничуть не смущал Грободела. Выставленное вокруг пустоши оцепление держало под контролем каждый метр охранного периметра. Даже скрывшись из-под прицелов видеокамер и пулеметов, я не мог ощущать себя свободным. И в какую бы сторону ни побежал, везде меня так или иначе должны были засечь зоркие хряковские наблюдатели.

Да и далеко бы я ушел без одежды, еды и оружия? Три, максимум четыре часа на таком морозе я еще мог выдержать, но не больше. Всякий раз по возвращении на базу мне приходилось полдня отлеживаться, пока симбионт залечивал мои обморожения, ушибы и прочие полученные в пустошах травмы. И я, и Грободел прекрасно сознавали, что бежать мне некуда и помощи ждать неоткуда. Не было в Пятизонье силы, какая дерзнула бы отбить меня у военных. А если бы вдруг и нашлись такие храбрецы, сомневаюсь, что они

пошли бы на это лишь ради того, чтобы дать мне свободу. А ради чего, ясно и без подсказок.

Посланный «Светочем» по мою душу вертолет прибыл на место спустя двадцать минут после крушения авиаботов. Десантно-транспортный Ми-ТПС сел на плоскую вершину похожей на огромный перевернутый таз скалы, что возвышалась в сотне метров от догорающих останков Жориковых жертв. Едва шасси винтокрылой машины коснулось земли, как из открытого еще при снижении заднего люка высыпали полтора десятка чистильщиков, тут же рассредоточившихся вокруг посадочной площадки. Дабы не ухудшать и без того плохую видимость, пилот сразу же выключил двигатели. Солдаты подождали, пока уляжется поднятый винтами вихрь, после чего, повинувшись крикливому сержанту, быстро образовали походный строй. И, держа оружие наготове, пропустили трусцой к западному склону – наиболее пологому и удобному для спуска к подножию скалы.

Вместе с поисковой командой в пустошь прибыл сам полковник Хряков – среднего роста, дебелий, но энергичный и крепко сбитый офицер, похожий на располневшего борца или тяжелоатлета. Коим, не исключено, он и впрямь когда-то являлся. Обладатель увесистой, квадратной челюсти, узкого лба и мощных надбровных дуг, с виду Грободел производил впечатление неандертальца. Но впечатление это было в корне обманчиво. За звериной внешностью и грубыми манерами полковника скрывался довольно живой, гибкий ум. Ко-

нечно, это не был пытливый ум ученого, к когорте которых Хряков не принадлежал, хоть и отдал всю свою жизнь служению военной науке. Небольшой, но развитый мозг Грободела являл собой мозг матерого хищника. Хитрого добытчика, беспрекословного исполнителя и надежного стража, без помощи которого «толстолобики» Центра попросту не могли обойтись.

Появление Грободела меня не удивило. Все-таки сегодняшняя внештатная ситуация была самой серьезной из всех, что когда-либо случались на наших испытаниях. Покинув вертолет последними, полковник и его адъютант направились вдогонку удалившейся группе, но без особой спешки. Командование явно намеревалось присоединиться к бойцам, когда они выйдут на заданную позицию. И, если им повезет, вскоре все они с чувством исполненного долга погрузятся обратно в вертолет и вернуться на базу. Разумеется, уже в компании со мной – живым или мертвым.

Ни в том, ни в другом виде я туда возвращаться больше не желал. И потому собирался серьезно расстроить полковничьи планы. Подсунув сегодня мне под горячую руку несчастного Жорика, «толстолобики» допустили ошибку: сделали ход не той фигурой и, сами того не подозревая, стали жертвами своих же научных интриг. В их прежде безупречной ловушке возникла прореха, в которую я незамедлительно ринулся. И хоть та прореха была невелика, я извивался угрем изо всех сил, надеясь расширить обнаруженную дыру

настолько, чтобы вырваться через нее на волю.

Почему Хряков высадился именно сюда и куда чистильщики после этого дружно устремились?

Два с лишним месяца беготни по пустоши не прошли для меня даром – я успел обнаружить и запомнить множество здешних укромных уголков. Под скалой, чья плоская вершина являлась единственной в округе удобной посадочной площадкой, находилась глубокая и извилистая пещера. Она заканчивалась тупиком, и в ней вполне можно было не только укрыться от холода, но и продержаться некоторое время оборону.

А что еще мне делать? Бежать нам с Жориком некуда, вести переговоры с полковником бесполезно, воевать – тем более. И потому, если тот останется непреклонным, у меня будет лишь два выхода: выполнить его требование или издохнуть, продав свою жизнь подороже. И то обстоятельство, что я и мой напарник засели в глубине каменного склепа, вряд ли указывало на мою покладистость. Подобраться к нам, не понеся потери, чистильщики не могли. А любая попытка выкурить нас газом обернется тем, что мы выстрелим из картечницы в потолок и похороним себя под обвалившимися пещерными сводами, которые в разрушенных катакомбах настолько зыбки, что стоит лишь начаться обвалу, и пещера как таковая мигом исчезнет. Вот и выкапывай меня потом из земных недр, гадая, уцелел энергетический симбионт после гибели носителя или испарился бесследно вкупе со все-

ми алмазами.

В оружии и доспехах Дюймового были встроены маячки, по которым «Светоч» отслеживал перемещение каждого смертника. Так что долго искать нас в заснеженной мгле Грободелу не придется. Знал он и о пещере, отображенной на имеющихся при нем картах пустоши. Мы были обречены, и все наше сопротивление виделось Хрякову лишь жалким судорожным трепыханьем.

Одного не знал полковник: того, что мы еще не настолько отчаялись, чтобы хоронить себя заживо, пока у нас двигались руки-ноги и окончательно не смерзлись мозги. И когда поисковая группа проникла в глубь скалы и добралась до источника сигнала, их ожидал обескураживающий сюрприз: валяющиеся в конце пещеры Жориковы картечница и амуниция. А их владелец и я там отсутствовали. Что стало сразу же очевидно, поскольку спрятаться в подземелье было негде, а каких-либо боковых ответвлений оно не имело...

Однако отмотаем время немного назад. К тому моменту, когда чистильщики только подлетали к месту падения авиаботов и отслеживали на сканерах перемещение взбунтовавшегося камикадзе. Или, точнее, перемещение его доспехов и оружия, поскольку сам он вряд ли носил в теле подобный маячок. Почему я в этом так уверен? Да потому, что на кой черт ставить его на расходный подопытный материал, ценность которого, в отличие от выданных ему вещей, ничтожна? И сами-то вещи маркировались лишь затем, чтобы их

было легко отыскать под снегом и вернуть на базу. Трупы гладиаторов, как правило, сжигались на месте, а их прах развеивался по ветру.

Сбросив с себя амуницию, Черный Джордж остался в одном утепленном комбинезоне, что надевался сталкерами под доспехи, и в армейских ботинках. Будь у нас побольше времени, я тоже обзавелся бы одежкой, стянув ее с мертвого Аса. Но до прилета солдат оставались считанные минуты, и мне пришлось, стиснув зубы, довольствоваться теплом, каким я успел запастись у костра. Нас ожидало очередное испытание на морозостойкость – суровое, но, к счастью, недолгое. После чего мороз нам будет уже ничем. Не важно, при каком исходе: удачном или неудачном. В первом случае мы окажемся внутри вертолетной кабины, во втором – превратимся в равнодушные к холоду трупы.

Третьего не дано.

С нашей стороны было бы крайне наивно думать, что Хряков бросит вертолет и пилота без охраны. Поэтому нам пришлось пойти на очередной разумный риск. Даже ночью и в метель нам не удастся незаметно подкрасться к посадочной площадке. Стережущие ее солдаты будут иметь при себе тепловизоры и засекут злоумышленников еще на подходе. Подстрелить же часовых издали нам было попросту не из чего. Оставь мы в пещере одни доспехи, Грободел вмиг заподозрил бы неладное, когда у него на сканере маячок Жориковой «Мегеры» начал бы двигаться отдельно от его амуниции.

Безвыходная ситуация? Отнюдь! Того, кто давно собаку съел на подобных играх и страстно желает вырваться на свободу, такими препонами не остановить.

Полковник Хряков был тертым калачом, но, пробежав всю жизнь на посылках у ученых, имел один недостаток. Служа из года в год по особому распорядку, в отрыве от прочих армейских частей, Грободел смотрел на обычных военнослужащих через призму своего специфического опыта и с изрядной долей презрения. Обладая широкими полномочиями и свободой в выборе средств, Хряков считал прочих своих собратьев по оружию ограниченными людьми, действующими исключительно в рамках полученных приказов и инструкций. Особенно это касалось тех солдат и офицеров, которые управляли какой-либо техникой.

Грободел видел во мне лишь скользкого и хитрого преступника – в этом я за время нашего общения успел убедиться. Разумеется, он был в курсе, что шесть лет назад я служил вертолетчиком, и подозревал, что мои навыки пилотирования утрачены не до конца. Однако полковника эти подробности уже мало беспокоили. Его логика была элементарной и не имела изъянов: если не подпускать пилота к штурвалу, то его шансы сбежать из «Светоча» по воздуху равны нулю. Орел с обрезанными крыльями не летает – и впрямь, только идиоты могут это оспорить.

Вот и сегодня Хряков надежно прикрыл свой тыл, оставив на охране Ми-ТПС помимо пилота еще двух бойцов. Вер-

толет находился на вершине возвышенности, что летом походила на лысину, а зимой – на ту же лысину, только намыленную. На ней нет ни единого способного защитить от пуль укрытия. Даже затаись мы в снегу где-то на склоне, нам не добежать до цели, не угодив под пули часовых. И полковник, и я были в этом совершенно уверены. Только выводы из собственной уверенности каждый из нас делал разные.

Всё верно: орел с обрезанными крыльями не летает. Но кто сказал, что при этом он научился думать, царапаться и клеваться? И этого-то Грободел не учел. Сейчас он воевал с Алмазным Мангустом, а не с бывшим пилотом Геннадием Хомяковым. Но именно лейтенант Хомяков, а не Мангуст, определил наметанным глазом, куда приземлится вертолет поисковой группы. Именно Хомяков рассчитал скорость и направление ветра, которые повлияют на то, как пилот-чистильщик ориентирует свою машину относительно посадочной площадки. И это память Хомякова хранила информацию о том, сколько времени потребуется для того, чтобы запустить двигатели Ми-ТПС и поднять его в воздух. От Мангуста же мне были нужны лишь его ловкие руки, быстрые ноги и мгновенная реакция, ибо без них нереально воплотить хомяковские теории на практике.

Я и Жорик могли обмануть часовых одним-единственным способом: спрятаться там, куда они со своими тепловизорами не станут заглядывать. То есть внутри охраняемого ими периметра, аккуратно под днищем приземлившегося Ми-ТПС.

Ну а как нам зарыться в сугроб, не угодив затем под вертолетное шасси, являлось уже моей заботой. Скальная верхушка позволяла совершить посадку лишь по центру площадки. Куда при этом будет направлен нос винтокрылой машины, мне подсказал ветер. А следы, которые я и Дюймовый оставили на снегу, были заметены бураном и потоком воздуха, бьющего из-под винтов снижающегося вертолета.

Все было рассчитано крайне педантично. И когда бойцы Хрякова рассредоточивались вокруг зоны высадки, мы с напарником, засыпанные снегом, лежали буквально в нескольких шагах от них. И, кляца зубами от холода, дожидались благоприятного момента для реализации наших захватнических планов.

– Не вздумай геройствовать! – шепотом наказал я Черному Джорджу, глядя вслед удаляющемуся за группой Грободелу. Всё тепло, которое я накопил у костра, улетучилось из меня в сугробе практически мгновенно. И я волновался, как бы вновь сковавший мне тело холод не отразился на моем проворстве. – Делай всё в точности, как договорились, и без самостоятельности! Второй попытки у нас не будет!

– Понятно, о чем разговор? – прошептал мне в ответ на ухо Жорик, чей утепленный комбинезон не позволял ему продрогнуть так быстро. – Да разве я вас, Геннадий Валерич, когда-нибудь подводил?

– А кто вместо того, чтобы прикрывать меня тогда, у Обочины, позволил какой-то питерской пигалице взять себя

в плен? – напомнил я о неприятности, в которую Черного Джорджа угораздило вляпаться осенью прошлого года.

– Э-э-э... но это ж вроде бы шутка была, разве нет? – смутился пристыженный недотепа.

– Это вы с Динарой в тот день на пару в игры играли да шутки шутили, – уточнил я. – А когда Ипат мне в это время голову отрезал, нам с ним вовсе не до шуток было.

– Но ведь не отрезал же, – резонно заметил Дюймовый. – Вон она, ваша голова, никуда не делась, на своем законном месте торчит. Так что незачем, Геннадий Валерьевич, обвинять меня в том, чего не случилось. Вот когда я на самом деле подведу вас, тогда и станете мне выговаривать, а сейчас...

– А сейчас, Черный Джордж, заканчиваем трепать языками и переходим к работе, – отрезал я. Хряков только что скрылся с наших глаз, направившись вниз по склону к подножию скалы. И теперь, когда на площадке остались лишь пилот и часовые, у нас – новоявленных воздушных пиратов, – была на счету каждая секунда. – Ты готов?.. Хорошо. Приступаем на счет «три»! Один... два... три! Пошел!..

Держа под наблюдением склоны, каждый из часовых прохаживался взад-вперед возле своего вертолетного борта. Пилоту не было нужды торчать на морозе. Он находился в кабине, готовый запустить двигатели и открыть десантный люк сразу, как только на пульт поступит такой приказ. В данный момент люк этот был задраен, дабы не выстуживать понапрасну десантный отсек. Замки на боковых дверях открыва-

лись вручную, и как минимум один из них не был заблокирован. После отправки поисковой группы пилот высовывался наружу и о чем-то переговаривался с часовыми. Потом он захлопнул дверь, но характерного лязга сработавшего блокиратора я не расслышал, и это меня обнадежило. А также заставило внести коррективы в нашу стратегию и провести разбор целей.

Черному Джорджу достался противник, охраняющий тот борт, где дверь не была заперта. Такой расклад сил должен был сэкономить мне драгоценное время. Выкатившись одновременно с разных сторон из-под днища вертолета, далее мы с напарником действовали уже каждый сам по себе. Я, естественно, проявил большую расторопность, хотя и продрог как собака. И оттого был невероятно зол. Впрочем, злость лишь подстегивала меня и была мне сейчас не врагом, а первейшим союзником.

Опять пришлось переквалифицироваться в неандертальца и братья за камень. Только на сей раз без смертоубийства – незачем усугублять грядущий гнев Хрякова гибелью его бойцов. Прыгнув на часового сзади, я повалил его спиной в снег и, сорвав с него шлем, заехал жертве бульжником по лбу. Повторного удара не потребовалось. Как и в случае с зомбированным Жориком, этому парню также повезло сразу же отключиться и избавить себя от лишних шишек и кровоподтеков.

А я, не мешкая и не выпуская камень, перекатился под

брюхом Ми-ТПС к другому борту. Туда, где Дюймовый уже добросовестно исполнял мой наставнический наказ действовать осторожно и не лезть на рожон.

Надо признать, на сей раз Георгий Осипович проявил себя молодцом. Больше всего я опасался, что вместе с адреналином в нем разыграет героизм, и он ввяжется в рукопашную схватку с чистильщиком. Что, естественно, делало бы Черному Джорджу честь, вот только время для такого героизма было откровенно неподходящее. Хорошо, что Жорик тоже это осознавал и не стал нарушать данное мне обещание.

Вместо драки, успех в которой ему однозначно не светил, он поступил менее рискованно и намного проще. Также набросившись на часового сзади, неуклюжий увалень не стал, однако, его дубасить, а лишь обхватил противника за шею и повис на нем мешком. Все, что требовалось от напарника, это повалить противника наземь и, сковав тому движения, не дать ему ни выстрелить, ни поднять тревогу. С чем Дюймовый отменно справился, благо фактор внезапности сполна компенсировал его медлительность.

На пару с Черным Джорджем мы обезвредили и второго чистильщика, также оглушив его булыжником по лбу. После чего, оставив бесчувственных часовых на снегу, немедля бросились к вертолетной двери. Пилот мог в любую секунду заметить пиратов и подать сигнал Грободелу, и потому нам было еще рановато переводить дух.

– Брось это! – крикнул я Дюймовому, выхватившему из

рук поверженного чистильщика «карташ». – Для нас их стволы бесполезны. Хряков был бы полный кретин, кабы дал нам такой шанс.

– Автоблокировка? – спросил Жорик, поверив мне на слово и отбросив трофей.

– Она самая, – не оборачиваясь, подтвердил я. – Можешь даже не проверять – я гарантирую...

Люк открылся без проблем, и я ввалился в десантный отсек, намереваясь схватить за горло пилота до того, как он успеет что-либо сообразить. Кабину отделяла от отсека стальная перегородка, дверца на которой была приоткрыта. Но прежде чем я распахнул ее и взял в заложники бывшего собрата по летному ремеслу, мне пришлось на мгновение отвлечься. Оказывается, в вертолете находился еще один человек, и я без промедления приказал Дюймовому его схватить.

К счастью, этот непредвиденный пассажир не был солдатом, а иначе я, разумеется, не поручил бы заботу о нем Черному Джорджу. Воевать же с менее опасным противником он был вполне горазд. Например, с таким противником, как эта ученая крыса из «Светоча». Именно одна из этих гнусных тварей и попалась нам навстречу, когда мы ворвались в десантный отсек Ми-ТПС.

– Держи его, Жорик! – скомандовал я, указав напарнику на подскочившего от неожиданности «толстолобика». Длинный и тощий, он не носил доспехов поверх своей мешковатой зимней униформы и выглядел еще более неуклюже, чем

набросившийся на него увалень. Я не успел рассмотреть лицо шарахнувшегося от нас «Светоча», но оно, несомненно, было мне знакомо. Так или иначе, но все здешние исследователи моего феномена хотя бы однажды попадались мне на глаза.

Ладно, хрен с ним, с этим ублюдком – не до него мне сейчас. Пускай пока Дюймовый с ним потолкует. Чем хорош такой напарник, так это тем, что ему не надо напоминать о том, чтобы он не переусердствовал с жестокостью. Черный Джордж был безжалостен к биомехам, но к людям – даже своим заклятым врагам – в силу своего простодушия он кровожадности не питал. Ну, разве что изредка, когда это являлось для него вопросом жизни и смерти.

Как гласит спецназовская мудрость, чем внезапней и нахрапистей штурм, тем больше ошеломлен и меньше сопротивляется противник. Не мой, конечно, это стиль, но бывают ситуации, когда даже мне приходится действовать наглостью и грубой силой.

Стращать пилота угрозами и склонять его к сотрудничеству у меня не было времени. Поэтому я просто вытащил его за шиворот из кресла, швырнул на пол и несколько раз наподдал заложнику ногой по ребрам. Не слишком сильно – вертолетчик был нужен нам живым и здоровым, – а только чтобы он накрепко усвоил, кто теперь здесь босс и чьим приказам нужно беспрекословно подчиняться.

– Разуй уши и слушай внимательно! Дважды повторять

не стану! – рывкнул я, отбирая у пилота пистолет вместе с поясом и кобурой. – Знаешь, кто я такой?

– Так точно! Вы – Алмазный Мангуст! – подтвердил съевшийся в ожидании новых побоев пилот, молодой парень, похоже, всего лишь год или два как закончивший лётную учебку.

Еще бы он меня не признал! Даже не имей он понятия, кого ищет в пустоши Грободел, семь намертво вплавленных мне в тело алмазов говорили сами за себя. По ним меня мог запросто опознать любой, кто хотя бы краем уха слышал об Алмазном Мангусте. А в Пятизонье обо мне были наслышаны все до единого, включая и чистильщиков.

– Все верно, – похвалил я догадливого пилота, чья фамилия, судя по табличке на доспехах, была Чуйский, а носимое им звание – лейтенант. – Второй и последний вопрос: кем я был до того, как попал в Пятизонье?

– Говорят, вроде бы тоже военным вертолетчиком, – ответил Чуйский, но без прежней уверенности. Что тоже не удивительно. По Зоне ходило множество легенд о том, в каких войсках я раньше служил. И хоть правдивая среди них все-таки преобладала, кое-кто из сталкеров продолжал упорно ее оспаривать.

– Совершенно правильно говорят, – согласился я и, завершив краткий допрос заложника, перешел к сути нашей проблемы: – А теперь о главном. Твоя задача проста: сейчас ты сядешь за рычаги, взлетишь и доставишь нас к тамбуру! За-

тем – гуляй на все четыре стороны. Однако, если надумаешь делать глупости, тянуть время или полетишь не туда, помни, с кем имеешь дело. Ты здесь не один, кто умеет управлять вертолетом.

– Зачем тогда я вам вообще нужен? – спросил лейтенант, немного осмелев после того, как смекнул, что побои прекратились.

– Затем, что в моих проклятых руках твоя машина может не дотянуть до тамбура и упасть, – признался я. – Но если ты не оставишь мне выбора, я готов рискнуть. Кто знает наверняка – авось долечу. Но тебе же не хочется разбить свою малышку вот так, по-глупому, верно? Поэтому решай, что для тебя выгоднее. Или свалишь всю вину на идиотов-охранников и спокойно довезешь нас до места, сказав потом, что мы приставили тебе к башке ствол. Или я высажу тебя здесь, целого и невредимого, а завтра тебя возьмут под следствие за то, что ты отдал казенную технику в руки проходимцу, который ее разбил. Ну так что?

– Что-что? Вы же бывший пилот и отлично понимаете, из какого дерьма мне будет проще выпутаться, – разумно заметил Чуйский. – Только вот штурман... Железная Леди... она ведь уже отправила на базу сигнал тревоги и не станет выполнять мои приказы, полученные от вас.

– Какая неожиданность – сигнал тревоги! – хмыкнул я. – А разве вам запрещено в экстренных обстоятельствах посылать этих электронных стерв на хрен и переходить на ручное

управление?

– Да нет, не запрещено... Но ручное управление... Ночью... В такую пургу...

– Ну так проваливай из вертолета, сопляк! – Секунды тикали, и я начинал нервничать. – Сам справлюсь! Хотел уважить тебя, как пилот пилота, а ты кобенишься!

– Нет-нет, вы меня неправильно поняли! – замотал головой заложник. – Я ж не отказываюсь! Мне не себя и не вас – мне машину жалко... Ладно, черт с вами – летим! Как скажете: на ручном, значит, на ручном!

– Вот это другой разговор, – смягчился я и, рывком поставив Чуйского на ноги, усадил его обратно в пилотское кресло. – Заводи мотор, Покрышкин! И помни: я с тебя глаз не спускаю! Нажмешь не на тот сенсор или дернешь не за тот рычаг, и я вмиг перестану быть благородным пиратом... Кстати, о благородстве. У тебя тут случаев не найдется лишнего комбеза с парой ботинок или хотя бы теплых штанов? Сам видишь, в каком непотребном виде меня Хряков на прогулки выпускает.

– Пошарьте в аварийной капсуле, – ответил пилот, махнув не глядя рукой в сторону десантного отсека. – Сам лично в ноябре зимние комплекты взамен летних туда упаковал. Там, если что, и кое-какая жратва найдется.

– И оружие! – добавил я, вспомнив, что обычно входило в аварийную капсулу моего Ка-85. Только в одноместной «Пустельге» стандартный пилотский набор для выживания при-

существовал в единственном экземпляре. Здесь же, в десантном вертолете, такая капсула наверняка вмещала в себя всяческого добра как минимум на отделение солдат.

Чуйский кивнул, подтвердив мою правоту, после чего включил зажигание и приступил к дежурным предполетным манипуляциям. А также к отстранению от обязанностей своего электронного штурмана. Лейтенант не блефовал: бортовой искусственный интеллект действительно известил базу о захвате нами Ми-ТПС. И теперь диспетчер мог приказать Железной Леди заблокировать вертолетное управление и не дать нам взлететь. Однако каждый пилот получал перед вылетом специальный код, позволяющий в крайних случаях отключить виртуального штурмана и летать по старинке. Так, как наш брат-вертолетчик делал это в прошлом веке и в начале нынешнего.

Я еще не забыл все эти пилотские премудрости. И Чуйский знал, что я о них помню, поэтому даже не пытался запудрить мне мозги. Код отмены всегда вводился вручную с приборной панели, так что переход на ручное управление я также мог легко проконтролировать.

– Черный Джордж! – окликнул я напарника. Судя по отсутствию в отсеке возни и криков, «толстолобик» и не думал оказывать нам сопротивление. – Веди сюда этого типа! А потом вытащи из-под сидений оранжевый контейнер и открой его!

Вошедший в роль грозного пирата Жорик доставил ко мне

второго заложника, подгоняя его угрозами и тычками в спину. Стоя в дверях кабины, дабы не выпускать из виду пилота, я приказал «Светочу» сесть рядом со мной в кресло и пристегнуться ремнями безопасности. Всмотревшись в его испуганное лицо, я, вопреки ожиданиям, его не узнал. Долговязый, остроносый и пучеглазый брюнет лет тридцати. Длинные, до плеч, волосы стянуты эластичной повязкой, к которой прикреплен миникомпьютер «Дока» – универсальный анализатор, которым пользуются многие полевые научные сотрудники. Собирая всю доступную ему информацию об окружающем мире, этот прибор обрабатывает ее и отображает результат на проекционном мониторе-маске, разворачивающемся перед лицом хозяина. Были ли у нашего пленника какие-либо импланты, неизвестно, но их боевыми разновидностями он, кажется, не располагал. Да и к чему они человеку, который летает по Пятизонию под охраной подразделения чистильщиков?

– Кто ты? – осведомился я, когда «Светоч», разобравшись с ремнями безопасности, сложил трясущиеся руки на коленях и поглядел на меня так, будто я приковал его не к вертолетному сиденью, а к электрическому стулу.

Рот заложника несколько раз подряд открылся и снова закрылся, но оттуда не донеслось ни звука. Я повторил вопрос, однако результат остался неизменным – «толстолобик» все так же молча двигал челюстью и испуганно хлопал глазами. Чуйский тем временем запустил двигатель, и винты Ми-ТПС

начали планомерно набирать обороты. Любопытно, какая из двух неприятных новостей – пустая пещера или улетающий вертолет – настигнет Грободела первой? А впрочем, не все ли равно? Он достаточно умен и быстро смекнет, что оба этих факта взаимосвязаны.

– В чем дело, Жорик? – гневно осведомился я у напарника. – Почему мой пленник разговаривает, а твой молчит как рыба? Ты его что, по голове огрел?

– Обижаете, Геннадий Валерьич! – искренне возмутился Дюймовый, вытаскивая в проход между сиденьями аварийную капсулу – пластиковый контейнер величиной с футляр от переносного зенитно-ракетного комплекса. – Я ж не садист – бить ученых по их самому больному месту! Это у нас с вами крепкие лбы, которым такой массаж бывает иногда даже полезен. А ученые – ребята хлипкие, особенно на голову. Им, говорят, даже щелбаном можно мозги стрясти, не то что оплеухой... Да плюньте вы на него, не тратьте понапрасну время. Этот «ботаник» и мне ни слова не сказал, сколько я его за грудки ни тряс. Наверное, никогда прежде в такое дерьмо не встревал, вот с перепугу язык и проглотил.

– Держитесь! Через минуту взлетаем! – прокричал из кабины пилот, закончив последние приготовления и взявшись за рычаги. – Предупреждаю: будет сильно трясти!

– Давай сюда ящик, а потом садись в кресло и пристегнись, – махнув рукой на онемевшего «ботаника», приказал я Черному Джорджу. Подтащив ко мне капсулу, Жорик без

возражений плюхнулся на сиденье, расположенное у другого борта напротив сиденья пленника, и после недолгой возни тоже разобрался с ремнями безопасности. Меня грядущая болтанка не страшила. В бытность мою пилотом я много чего пережил и привык к таким неприятностям, как моряки привыкают к качке. Да и Чуйского нельзя было оставлять без присмотра. Вдруг он покладист только на словах, а не деле ждет не дождется, когда я ослаблю бдительность, и готовится устроить нам подлянку.

Спокойного старта не получилось. Вдобавок перед тем, как Ми-ТПС оторвался от земли, на площадку возвратились чистильщики. Я приказал пилоту не отвечать на запросы Хрякова и включить громкую связь, дабы мне тоже было слышно, о чем говорит полковник. Говорил, или, точнее, орал он, не умолкая. Угрозы, которыми Грободел взялся устрашать нас после того, как понял, что мы его игнорируем, звучали предельно искренне. Ни у меня, ни, надо думать, у Чуйского не возникло сомнений в том, что, сумей Хряков до нас добраться, он живо осуществил бы на деле все обещанные нам членовредительства. Пока же ему удалось исполнить лишь одну угрозу. И едва вертолет, качнувшись, взметнул винтами с земли тучи снега и взлетел, как по его броне градом замолотили автоматные очереди.

Жорик, «толстолобик» и пилот, которому, похоже, еще не доводилось летать под обстрелом, задергались и начали суматошно озираться, ища пробоины. И если пассажиров гро-

хот пуль по броне только нервировал, то беспокойство Чуйского напрямую влияло на то, как уверенно он удерживал машину в воздухе. Именно это обстоятельство, а не открытый по нам огонь как таковой представляло для нас сейчас наибольшую опасность.

Я тоже поначалу инстинктивно вздрогнул и втянул голову в плечи. Но тут же взял себя в руки и прекратил понапрасну паниковать. Хряков явно не подозревал, что сегодня ему придется сбивать собственный вертолет, и оснастил свою группу лишь легким стрелковым оружием. Что и подтвердило отсутствие в корпусе Ми-ТПС дырок от пуль. К счастью для нас, вскоре это понял и пилот. Едва я собрался прикрикнуть на него, дабы он не дергался и сосредоточился на управлении, как лейтенант, обматерив Грободела последними словами, без моих подсказок налег на рычаги. И через несколько секунд выровнял машину, не дав ей свалиться в крен, куда ее потянуло сразу после взлета.

Я же продолжал стоять в дверях кабины, широко расставив ноги, и, морщась, слушал грохот пуль по обшивке. Который, несмотря ни на что, звучал у меня в ушах если не победной симфонией, то как минимум прелюдией к ней. С каждым мгновением мы улетали все дальше и дальше от Грободела – чем не повод для праздника? И пускай перед нами раскинулась сплошная неизвестность, меня окрыляла одна лишь мысль об обретенной свободе. Оттого, даже находясь высоко над землей в болтающемся на ураганном ветру вер-

толете, я ощущал не страх, а изрядно позабытую мной за последние месяцы радость.

Когда Ми-ТПС набрал скорость и лег на заданный курс – в чем я убедился лично, сверившись с приборами, – болтанка немного унялась, и я наконец-то получил возможность покопаться в аварийной капсуле. Примерное время полета до цели мне известно, любое отклонение от его траектории я учую своими не до конца атрофированными пилотскими инстинктами, так что теперь нет нужды маячить у Чуйского над душой. Пора подготовиться к возвращению из стерильного научного полигона в дикое Пятизолье, разгуливать по которому в одних трусах и кедах я не рискнул бы ни летом, ни тем паче зимой.

Понятия не имею, кто придумал снабжать военные вертолеты аварийными капсулами, но носитель этой светлой головы заслуживает того, чтобы ему поставили памятник. Выбрав себе из нескольких комплектов одежды и обуви подходящие по размеру зимний пилотский комбинезон и ботинки, я оценил критическим взглядом обмундирование Черного Джорджа и решил, что оно вполне сносное и в замене не нуждается. Надеваемые под доспехи пехотные армейские комбезы – и зимние, и летние, – прочнее и удобнее пилотских. И попади к нам в плен не ученая крыса, а чистильщик, чья комплекция была бы соразмерна с моей, я без зазрения совести отобрал бы у него одежду, а из капсулы взял бы лишь походный ранец и оружие. Вернее, два ранца и две пушки,

поскольку Жорику также нужно было чем-то питаться и отстреливаться от врагов.

Кстати, об оружии. Помимо стандартных импульсных пистолетов «Страйк» и плазменных гранат в капсуле также имелись три крупнокалиберных помповых карабина «Ультимар» – пятизарядных, короткоствольных и лишенных приклада ради пущей компактности. Плюс к ним несколько разновидностей патронов: жакан, картечь и сигнальные.

Зачем, спросите вы, стоило пихать в контейнер это допотопное барахло? Неужели нельзя было ограничиться обычными миниатюрными ракетницами?

Все очень просто. «Страйк», бесспорно, штука хорошая и опередит тридцатилетней давности «Ультимар» по всем пунктам. Но если ваш вертолет вдруг совершит экстренную посадку, угодив в электромагнитную ловушку – а в Пятизоне подобные аномалии не редкость, – проку от импульсного оружия уже не будет. Его батареи разрядятся, и «Страйки» попросту выйдут из строя. Зато пороховым «старичкам» такие неприятности нипочем. Имея при себе «Ультимар», вы всегда сможете дать отпор не крупным биомехам и продержаться до подхода спасателей.

Ну и, само собой, такое примитивное оружие идеально подходит для меня. Не обладая электронной начинкой, оно может работать в моих руках вплоть до своего полного естественного износа.

Аккумуляторы «Страйков» в аварийной капсуле Чуйско-

го были заряжены и исправны. А предохранители пистолетов не имели строгой привязки к конкретному владельцу, как «Карташи» ищущих нас чистильщиков. Придвинув контейнер к Жорику, я велел ему тоже выбрать себе ранец и вооружиться, а сам взял первый подвернувшийся под руку «Ультимар» и три патронташа – столько, сколькими мог опоясаться, дабы они не стесняли движений. Патроны в каждом из них были расфасованы в необходимых пропорциях: несколько сигнальных, примерно четверть – пулевых, а остальные – наиболее подходящая для борьбы с биомехами картечь. Последние также были загодя заряжены в подствольные магазины ружей. На случай, если перед подачей сигнала бедствия экипажу и пассажирам придется отбиваться от примчавшихся к месту аварии хищников.

Дюймовый с деловым видом обвешался гранатами и «Страйками». Затем проверил, быстро ли последние выхватываются из кобур, чем заставил нервно икнуть сидящего напротив него заложника. После чего, довольный результатом, авторитетно покивал головой и начал рассовывать по карманам пистолетные аккумуляторы и магазины.

Переодевшись, переобувшись, опоясавшись патронташами и нацепив ранец, я вновь глянул через плечо пилота на мониторы. До точки предполагаемой посадки оставалось еще пять минут полета. Взмокший от напряжения, летящий вслепую Чуйский беспрерывно утирал со лба пот, но со своей задачей справлялся. Порывы ветра то и дело швыряли

Ми-ТПС вправо и влево, а за стеклами кабины не было видно ни зги. Свет бортовых прожекторов утопал в несущейся нам навстречу снежной пелене, как в вате. Но вертолетные локаторы исправно фиксировали все попадающие в их поле зрения значимые объекты, и лейтенант вполне мог произвести все посадочные расчеты без виртуального штурмана.

Но если с посадкой близ Щелкинского тамбура все было более-менее понятно, то с ясностью наших дальнейших планов дела обстояли хуже некуда. Этот вопрос требовал срочного решения, поскольку обсуждать его после посадки, возможно, будет поздно. Входить в гиперпространство, не зная точных координат выхода из него, все равно что с завязанными глазами лазать по отвесным скалам, прыгать с лыжного трамплина или водить гоночный болид. Иными словами, занятие, теоретически не безнадежное, но практически – сущее самоубийство.

Добыть маркер, который требовался Черному Джорджу для телепортации, было легко. Этот миниатюрный навигатор выдавался всем работающим в Пятизоне военным, и у Чуйского с ученым он также наверняка имелся при себе. Проблема состояла в другом – все армейские маркеры отслеживались чистильщиками. Даже уничтожь Дюймовый это устройство сразу по прибытии на место, хватит и одной секунды, чтобы сканеры базирующихся там подразделений Барьерной армии зафиксировали сигнал со встроенного в него маячка. И все бы ничего – мало ли армейцев входит и

выходит из тамбура ежедневно? – но не пройдет и получаса, как все чистильщики Пятизонья будут знать о захвате нами вертолета и поднимутся по тревоге, задействовав план «Перехват». И тогда запись сигнала Жорикова маркера сразу будет обнаружена, а вместе с ней – и локация, в которую мы удрали.

Вот почему я завел с напарником разговор о наших дальнейших планах, ничуть не беспокоясь о том, что нас подслушает «толстолобик».

– Первым делом рванем в Чернобыль, – сказал я, передавая Дюймовому ранец, до которого он, пристегнутый ремнями, не мог дотянуться. – На том «проходном дворе» нас будет труднее всего найти. Заодно разведаем, что к чему. Как-никак, мы были оторваны от мира целых три месяца, и история все это время явно не топталась на месте. Ну а когда проведем обстановку, тогда и решим, в какие края драпать дальше. Возражения есть?

Последний мой вопрос являлся риторическим, и иного ответа, кроме «Никак нет!», я от Черного Джорджа не ожидал. Но, оказывается, у Жорика все-таки были возражения. Да что там: нежданно-негаданно в дважды ушибленной сегодня голове напарника созрел целый план! И, что еще хуже, план этот шел вразрез с предложенной мной стратегией.

– Нельзя мне в Чернобыль, Геннадий Валерьевич, – буркнул Жорик, внезапно нахмурившись и потупив взор. – Никак нельзя! Нет, вы, конечно, можете идти, куда собрались,

но я туда не пойду.

– То есть как это – не пойдешь? – опешил я.

– Просто мне с вами не по пути, – не поднимая глаз, развел руками Дюймовый, но скрывать причину своего несогласия не стал: – Я тут это... еще кое о чем вспомнил... Про последнюю записку, которую мне Динара передала. И почему я взбесился, когда ту записку прочитал. Эти ублюдки, – он указал пальцем на «толстолобика», – пригрозили Арабеске, что запытают ее и меня до смерти, если она их в одно секретное место не отведет. И Динара согласилась. А что ей еще оставалось делать? Я того вертухая, который у нас почтальоном работал, умолял: передай Арабеске, чтобы она забыла про меня и бежала сразу, как только на свободе окажется, ведь врут чистильщики: нас так и так рано или поздно грохнут. Но вертухай сказал, что я опоздал – Динару три часа назад из камеры забрали и назад больше не приводили. Вот я и осерчал. Так осерчал, что меня пять санитаров насилу сумели успокоить. Арабеска ведь из питерцев, а они, если дают кому-то слово, непременно его сдерживают...

– Да брось, приятель, – отмахнулся я. – Ты плохо знаешь питерских ребят. Это ж те еще проныры. Когда они своим клиентам или друзьям клятвы дают, тогда да: слово питерца – закон. Но если их заставляют клясться, надев им на шею петлю, черта с два они будут соблюдать данные под пыткой обещания. Так что расслабься. Твоя Арабеска давно гуляет на свободе, куда она завсегда удерет и без твоих подсказок.

– В том-то и дело, Геннадий Валерьевич, что Динара дала клятву не чистильщикам, – помотал головой Черный Джордж. – Не им, а мне, понимаете? Так и написала в записке: «Клянусь тебе, Джорджик, в том, что непременно заставлю «Светоч» тебя освободить. Пока, правда, не знаю, каким образом, но по пути непременно что-нибудь придумаю. Обо мне же не беспокойся – не впервой, выкручусь...» Так что никуда она не сбежала. Видите: никто меня на волю не отпустил, а значит, Арабеска еще не изобрела способ, как это сделать. Но когда она узнает, что я сбежал из Крыма, ей больше не придется ломать голову над тем, как мне помочь, и она тоже сможет бежать. Только вот как Динара об этом узнает? Вряд ли чистильщики расскажут ей о нашем побеге, верно?

– Хм... Да, тут ты прав: это вряд ли... – Я тоже нахмурился и принялся рассуждать об услышанном вслух: – Если ваш обмен посланиями был подставой со стороны хозяев, то в чем кроется ее смысл? Зачем им посылать фиктивные записки человеку, которого они же превратили в зомбированного смертника? Правильно: незачем. Тупиковый получается план – куда потом уйдет эта информация? Значит, послания тебе действительно отправляла Динара. И то, что она дала тебе клятву, меня ничуть не удивляет. Все-таки тогда, при посадке в Ангар, ты спас Арабеске жизнь, и не в ее принципах забывать о подобных услугах. Однако ты не сказал, в какие края ее угнали чистильщики. То, что не в Чернобыль, я

понял. Так куда же?

– В Академгородок, – уныло ответил Жорик. – Именно так было сказано в ее последнем письме. И я сегодня отправляюсь за ней, в Новосибирск. Нельзя мне иначе, поймите! Вы ведь тоже пошли искать Мерлина, наплевав на то, что это может быть смертельно опасно. Вот и я должен любой ценой или спасти Динару, или хотя бы подать ей знак, что мы на свободе и Арабеску у чистильщиков больше ничего не держит. Но вы, конечно, вправе поступать как знаете. В любом случае, я вас пойму и не обижусь. Тем более, это же вы меня в сознание привели и из «Светоча» вытащили.

Молвив это, Дюймовый тяжело вздохнул и уставился на меня вопрошающим взглядом. В глазах простофили было столько вселенской тоски и обреченности, что, окажись сейчас на моем месте суровый Жориков папаша-миллионер, даже тот, я уверен, усовестился бы и простил непутевого сына, от которого давно отрекся. Вот и мне – человеку, считающему Черного Джорджа своим другом, – было крайне нелегко отказаться помогать ему в деле, с которым он гарантированно не справится. И отговорить от которого Жорика явно не удастся даже под дулом карабина.

Я и не отговаривал и не отказывался. В конце концов, велика ли нам разница, куда уносить ноги: в Чернобыль или Академгородок? И там, и там нас не ожидало ничего хорошего. Разве что не хотелось соваться в самую холодную локацию Пятизонья, не успев толком отогреться от крымских

буранов, ну да хрен с ней. Что ни говори, а мерзнуть и подыхать свободным человеком куда приятнее, чем подопытным кроликом живодеров от науки.

– Ладно, уболтал – идем в Новосибирск, – сдался я, отлично понимая, что Дюймовый лукавит, и на самом деле мой отказ огорчил бы его до глубины души. Что и подтвердилось, когда потухшие было глаза напарника вновь засияли, а лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Спасибо, Геннадий Валерьич! Я теперь ваш должник по гроб жизни, честное слово! И что бы мы с Динарой только без вас делали? – рассыпался в благодарностях Дюймовый. – Я и не сомневался, что вы меня в беде не бросите! Кто угодно, только не вы!

– Нечему нам пока радоваться, олух! Наши настоящие беды еще и не начинались, – прервал я его преждевременные дифирамбы. – Ты, покоритель Сибири, вообще был хоть раз зимой в Новосибирске?

Сталкер мотнул головой.

– Оно и видно! Если бы был, не радовался, а умывался бы сейчас горячими слезами. Мало ли что там рыцарей Ордена почти не встретишь – иных бед позарез хватает. А мы туда за собой еще целую гроздь своих репьев на хвосте притащим!..

– Мы почти на месте, парни! – предупредил из кабины Чуйский. – Держитесь! Иду на посадку!

Скорость снижающегося Ми-ТПС начала падать, а болтанка, наоборот, возрастать. Я в очередной раз сверился с

мониторами и отметил, что пилот без напоминаний догадался, где удобнее всего нас посадить. В данный момент вертолет находился севернее тамбура и был скрыт от Цитадели громадой вращающегося вокруг него смерча. Подлетать к нему вплотную лейтенант благоразумно не стал. Но та пара сотен метров, какую нам с Жориком требовалось пробежать до входа в гиперпространство, не представляла для нас суровое испытание. Видимость ночью в буран на земле была не лучше, чем в воздухе. И проблема эта стояла не только перед нами, но и перед нашими потенциальными преследователями. Мы не могли промахнуться мимо нашей цели – огромного смерча, – даже с закрытыми глазами, а вот врагам выследить нас в кромешном мраке будет чрезвычайно трудно.

– Эй, ученая голова! – обратился я к заерзавшему на сиденье «толстолобику». – Живо давай сюда свой маркер! И не вздумай врать, что его у тебя нет! Пускай мы хорошие террористы, но злить нас все равно не советую!

– Не отдам! – внезапно отозвался заложник, чем, признаться, меня огорошил. Ответ этот был откровенно не тот, какой я хотел услышать, и в корне противоречил моей рекомендации не будить во мне зверя. И все же я решил предоставить «ботанику» шанс одуматься:

– А ну-ка повтори, что ты сказал! – потребовал я, грозно нависнув над съежившимся в кресле строптивцем.

– Заберите маркер у пилота! А мой вы не получите, потому что я иду в Академгородок с вами! – дрожащим голо-

сом повторил ученый, вогнав меня в еще большее замешательство. Жорик от столь неожиданного известия дернулся, попытавшись вскочить, но ремни безопасности, про которые он сгоряча запомнил, удержали его на месте.

– Чего-о-о-о?! – протянул Дюймовый, стиснув кулаки и вперив в пленника негодующий взор. – Куда-куда ты там лыжи наострил?

– С вами! – исполнившись решимости, выкрикнул ему «толстолобик», дрожа не столько от болтанки, сколько от страха. – И если в вас есть хоть капля здравого смысла, вы наверняка со мной согласитесь! Готов поспорить!

– О'кей, продолжай! – кивнул я, жестом велел напарнику прикусить язык. Чутье подсказывало мне: уверенность, с которой говорил этот тип, – верный признак того, что вступать с ним в спор лучше не надо. Как не надо пытаться отобрать у него маркер силой. Куда разумнее будет выслушать заложника – авось и впрямь скажет что дельное. И на все про все у него в запасе имелось лишь три минуты. После чего вертолет приземлится, и времени на болтовню у нас уже не останется.

– Вы не знаете, куда отправилась экспедиция, которую ведет ваша Динара, а я – знаю! – выпалил пленник. Он не хуже нас осознавал, что нужно говорить быстро, кратко и исключительно по существу. – Без меня вам придется их очень долго разыскивать. Могу ручаться!

– А с тобой нам их и подавно не найти, – хмыкнул я. – Как только мы окажемся в Академгородке, ты сразу тайком

свяжешься со своими, они нас схватят, а ты получишь благодарность и крупную денежную премию. Именно так следует понимать ересь, которой ты трешь сейчас нам по ушам. Кстати, кто ты такой? И какого черта тебя посадили в этот вертолет? Я помню всех лаборантов, обычно сопровождавших Грободела, но тебя вижу впервые.

– Меня зовут Тиберий! Тиберий Свистунов! – представился «толстобик». – Я – доктор, работаю в Пятом отделе Центра заместителем начальника лаборатории по... – Свистунов замялся. – По... биохимическим исследованиям.

– Врешь, сволочь! – не поверил я. – С чего вдруг «Светочу» отправлять за мной биохимика? Мой симбионт давно перестал интересоваться Пятый отдел!

– А почему вы решили, что я прилетел именно по вашу душу? – возразил Тиберий и, переведя испуганный взгляд на Дюймового, кивнул в его сторону. – Меня послали вон за ним. Или за его останками – как повезет. Просто подопытный субъект номер «шестьдесят шесть»... в смысле э-э-э... ваш друг Георгий являет собой первый в истории Центра случай, когда воздействие на человека сыворотки Хайда оказалось обратимым. На биохимическом уровне реверсирование этого процесса протекает очень быстро. И потому мне поручили взять у Георгия необходимые анализы сразу же, как только это станет возможно.

– Эй! Да я ж тебя, гада, узнал! – вдруг взорвался Жорик. – Это ведь ты – доктор Зеленый Шприц! Вот уж не думал, что

когда-нибудь дотянусь до твоей глотки! Ну, падла, держись!

И, остервенело рыча, взялся расстегивать замки на ремнях безопасности. Озверелое лицо «субъекта № 66» красноречиво выдавало его дальнейшие намерения и решимость немедленно воплотить их в жизнь.

– Сидеть!!! – рявкнул я на напарника, чья вспышка гнева была, бесспорно, справедливой, но крайне несвоевременной. – Сидеть, я сказал! И ни слова больше, а то!..

Я замахнулся, но не стал отвечать Черному Джорджу подзатыльник, на который он напрашивался. Чтобы пресечь его порыв, мне хватило и этого окрика. Осаженный сталкер одарил меня свирепым, ненавидящим взглядом, но проверять, блефую я или нет, не рискнул. Вот и славно! Дружба дружбой, но за столь откровенные глупости я могу без раздумий двинуть по шее даже лучшему другу.

– Да, это я колю подопытным сыворотку Хайда! – подтвердил доктор Зеленый Шприц. – Как видите, я вам не вру! Хотя мог бы начисто все отрицать, сказав, что Георгию это только привиделось! Но ничего не попишешь: таковы сегодня мои служебные обязанности! И за их неисполнение мне грозят крупные неприятности, вплоть до краха моей научной карьеры! Которая и без того давно застопорилась в «Светооче», потому что Пятый отдел – это тупик для настоящего ученого! Болото, которое если тебя засосало, то уже никогда не отпустит. Наоборот, будет тянуть все глубже и глубже, на самое дно.

– А какой цели ты намерен добиться, помогая нам? – полюбопытствовал я. – Неужто карьерного взлета? Что-то не вижу логики.

– Взлета?! – переспросил Тиберий и презрительно скрипелся. – Ха! Берите выше! Гораздо выше! С вашей помощью я стану по-настоящему великим! И независимым ни от кого! Ну и богатым – это само собой разумеется! Нет-нет, дело вовсе не в ваших алмазах... или, если быть точным, не только в алмазах. Дело в той энергии, которая в них заключена. Я читал протоколы ваших допросов и сделанные на их основе аналитические отчеты. Те семь огромных алмазных глыб, какие вы якобы видели внутри той стальной махины... Жнеца... Вы небось не в курсе, что в их существование у нас мало кто верит? И что ваше заявление о том, на базе чего был сооружен двигатель Жнеца, официально считается фикцией?

– Садимся! – прокричал очередное предупреждение пилот. Вслед за его докладом Ми-ТПС тряхануло так, как ни разу до этого. Я все-таки не устоял на ногах и грохнулся в проход, едва не выронив «Ультимар». Однако самый сильный толчок оказался и самым последним. Не успел я выругаться, как болтанка прекратилась, и вертолет принял устойчивое положение.

– Готово, парни! Долетели в лучшем виде! – отрапортовал лейтенант дрожащим от возбуждения голосом. В котором наряду со страхом звучала и вполне закономерная гор-

дось. Еще бы! Даже на учебном тренажере пилотирование вертолета на ручном управлении в бурю – экзамен не для слабаков. А тут всё взаправду, без поблажек на неопытность, да еще под дулом пистолета! Справился бы я с подобной задачей, когда мне было столько же лет, сколько этому пилоту? Даже не знаю. Но если бы справился, вряд ли моя последующая реакция отличалась бы от реакции Чуйского, который только что укротил бурю.

– Хорошая работа, лейтенант! – похвалил я его, поднимаясь с пола. – Только не задирай нос раньше времени. Помни: тебе еще обратно лететь!.. А теперь, будь другом, передай моему напарнику свой маркер. – И, глянув на Черного Джорджа, спросил: – Ты как? Остыл? Готов ко входу в тамбур? Тогда чего расселся? Собирай манатки, и – в путь!

Все еще дующийся на меня Жорик пробухтел что-то неразборчивое, но протеста не выказал. Поднявшись с сиденья, он взял протянутый пилотом маркер и принялся настраивать его на координаты Новосибирской локации. Сви-стунув также отстегнул ремни безопасности, но продолжал пока оставаться на месте.

– Так вот я, в отличие от моих недалеких коллег, – вернулся он к прерванной беседе, когда я вновь повернулся к нему, – склонен вам верить. «Светоч» убежден в том, что Жнец двигался за счет одних лишь «Сердец Зверя», соединенных между собой в особый контур. И в том, что ваш феномен никак с этим не связан, что бы вы на сей счет ни твер-

дили. Не веря вам, эти болваны идут по заведомо ошибочному пути и даже не подозревают об этом.

– Но ведь должны были остаться доказательства, – возразил я. – Алмазные нановолокна, которые проникли в Жнеца снизу доверху! Такие же нановолокна, какие соединяют между собой семь энергетических сгустков моего симбионта!

– Нет там никаких волокон, – ответил Тиберий. – Всё облазили, всё проверили – пусто! И, по всем признакам, никогда не было, а значит, вы – тот еще сказочник. Так по крайней мере написано в официальных итогах расследования того дела. Но мы-то с вами точно знаем: и гигантские алмазы, и аномальная энергетическая сеть там были. А потом сплыли. Улетучились. Испарились... Фьють!

И Свистунов, присвистнув – извините за невольный каламбур, – изобразил жест, символизирующий, судя по всему, развеянные по ветру, сгинувшие доказательства моей правоты.

– Ну я-то, допустим, об этом знаю, потому что видел «большого брата» своего симбионта собственными глазами, – заметил я. – Но откуда, скажи на милость, в тебе подобная уверенность? Сам же говоришь: моя версия тех событий признана Центром насквозь лживой и высосанной из пальца.

– Есть один фактор, который все исследователи вашего феномена попросту проигнорировали, – признался Тибери-

рий. – В то время как я склонен считать отмененную ими версию ключом не только к вашему исцелению, но и к дальнейшему постижению и укрощению энергии, которая двигала Жнецом и законсервирована в вас.

– И что это за ключевой фактор? – Я старался сохранять невозмутимость, но чем дольше мы беседовали, тем меньше оставалось от моего напускного равнодушия.

– А не лучше ли нам сначала перебраться в Новосибирск и продолжить разговор в каком-нибудь более безопасном месте?

– Нет! – отрезал я. – Пока ты не убедишь меня в своей полезности, тебе с нами не по пути. – И, покосившись на Жорика, надевающего ранец, добавил: – И если в ближайшие полминуты этого не произойдет, тебе придется вернуться на базу. А надумаешь увязаться за нами самовольно – пристрелю на месте без колебаний.

– Хорошо, – пожал плечами Тиберий. Кажется, мой жесткий ультиматум его отнюдь не смутил. – Полминуты так полминуты. Попробую уложиться, раз так нужно...

– Двадцать пять секунд!

– Ладно-ладно, я все уяснил... Короче, нет в вас никакого симбионта, который вылетел из гиперпространства и вселился в ваше тело. То, что вы и прочие ковыряющие ваши алмазы ученые сочли за аномального паразита, есть всего лишь аллергическая реакция организма на контакт с чужеродной энергией. Поэтому и лечить вашу болезнь надо, как лечат

аллергию. То есть терапевтическими, а не хирургическими методами. Никто ведь не вырезает скальпелем у аллергиков сыпь и отеки, верно? Тем не менее всякий, кто берется разгадывать ваш феномен, ставит перед собой одну и ту же задачу: выдрать из вас алмазы и заодно стать богаче на триста миллионов баксов. И эти мясники еще смеют называть себя служителями науки! Тупые бездари с напрочь зашоренными глазами – вот кто они такие!

– И у тебя есть догадка, какое лечение мне необходимо? – спросил я после того, как выругался про себя. Но не от злости, а, напротив, выразив таким образом похвалу нестандартному и оттого интригующему ходу свистуновской мысли. Которая, впрочем, ничего пока не объясняла, а лишь породила уйму новых вопросов.

– Естественно! – и глазом не моргнув, подтвердил доктор Зеленый Шприц. – Стал бы я пичкать вас своими догадками, будь они абсолютно беспочвенны? Только вот беда – мои полминуты уже истекли.

– Считай, что за правильный ответ тебе накинули призовое время, – смягчился я. – Так уж и быть, давай, договаривай.

– С чего начинается лечение любой аллергии? – поинтересовался Свистунов и, не дожидаясь ответа, сам же пояснил: – Разумеется, с поиска аллергена. А где в Пятизонье найти раздражитель, который может вызвать у вашего организма подобную нетипичную реакцию? Подсказка: реакция

эта, как я уже сказал, есть следствие контакта с аномальной энергией из гиперпространства.

– Неужто в Узле?

– Эко лихо вы замахнулись! – усмехнулся Тиберий. – И каким чудом, по-вашему, мы туда попадем? А если вдруг попадем, где гарантия, что нам удастся оттуда выбраться... Нет, господин Хомяков, мое решение этой проблемы выглядит на несколько порядков проще. Интересующие нас источники аномальной энергии присутствуют в ловушках Пятизона. Отыщем нужную ловушку, проведем нужные замеры и тесты, понаблюдаем за вашей реакцией и подберем правильный курс лечения. Исключительно научным методом. Безо всякой хиромантии, отбеливания чакр и прочих дурацких плясок с бубнами.

– Ловушки?! – в очередной раз удивился я неординарному мышлению этого «толстолобика». Натасканный в свое время Мерлином, я по примеру сталкеров всегда обходил ловушки стороной. И тем паче не предполагал, что они могут как-то помочь в изгнании моего паразита. Или, если придерживаться беспрецедентной версии Свистунова, – в лечении моей аллергии.

– Бьюсь об заклад, прежде вы и не думали искать в ловушках лекарство для себя, – без особых усилий догадался он. – Более того, я уже приблизительно знаю, где обнаружить нужный нам источник энергии. Именно к нему и отправилась экспедиция, которую ведет ваша Арабеска. Только те иди-

оты, которым она помогает, хотят проверить там свои идитские теории, а я хочу проверить свою. И не только проверить, но и доказать, что я прав, а они в корне заблуждаются! Потому что я – чертовски гениальный и амбициозный сукин сын! И я достаточно долго прослужил у них на побегушках для того, чтобы понять, насколько я умнее этих безмозглых типов... Ну так что вы решите? Мы идем в Академгородок втроем или дерзнете попытать удачу самостоятельно? Валяйте, я не возражаю. Мне-то что? Мое дело – предложить... Но если завтра вдруг выяснится, что ваша удача сидела сегодня с вами в одном вертолете, а потом по вашей же милости улетела обратно в Центр, пеняйте на себя. Договорились?

– Переобувайся, бери ранец и топай за нами. И советую не отставать, – приказал я, придвинув к Тиберию аварийную капсулу, где еще имелись лишние комплекты для выживания. – К оружию даже не прикасайся!.. А ты, Черный Джордж, не в службу, а в дружбу прихвати-ка еще один «Страйк». Не будем загадывать наперед, но вдруг этот долбанутый гений и впрямь оправдает наше доверие? Ну а не оправдает, пусть тоже пеняет на себя. Нечего было набиваться в друзья к беглым подопытным, чьи задницы еще не зажили от его проклятых уколов!..

Глава 4

Мороз и солнце; день... не лучший, сказать по правде. Хотя нынешней зимой мне вряд ли выпадало более радостное и погожее утро.

– Забыл вас предупредить, – сказал Тиберий Свистунов, переводя дыхание и откашливаясь после телепортации, которую все мы только что пережили. – Читал вчера штабные сводки погоды. И в них было сказано: этой зимой под Новосибирским Барьером выпало доселе небывалое количество снега. Не помню его уровень в числах, но счет идет на метры. Почти все разломы и щели, кроме самых глубоких, засыпаны доверху. Так что надо быть особенно осторожными и не заходить без нужды на неутоптанные участки локации.

– Как будто на утоптаных безопаснее! – проворчал я, озираясь по сторонам. И, вопреки опасениям, не наблюдая поблизости ни единой – как живой, так и биомеханической, – души.

– Зато здесь солнце чаще бывает! – заметил приободренный Жорик, глядя на загорающуюся над заснеженной пустошью багровую полосу восхода. После чего, зябко передернув плечами, добавил: – Хотя, что ни говори, а на острове было потеплее.

– Кому как, – возразил я, испытывая несказанное удовольствие от обретения настоящей зимней одежды и обуви. – По-

бегал бы ты с мое голышом по бурану, посмотрел бы я, сколько бы у тебя осталось «теплых» воспоминаний о юге. Нет уж, Черный Джордж, благодарю покорно: лучше я буду свободным человеком в Сибири, нежели рабом чистильщиков в Крыму.

Томясь в застенках «Светоча», я был лишен возможности видеть солнце. Но этот наблюдаемый мной впервые за долгое время восход не доставил мне никакой радости. Я уже почти забыл, как выглядят нормальные, не искаженные мутью Барьера восходы и закаты, луна, звезды... Живя в обычном мире обычной жизнью, я не то чтобы слишком часто и с охотой любовался небесными светилами. Правильнее сказать, я их попросту не замечал. Светят, греют, движутся, и ладно – чего с них еще взять? Однако, когда между ними и мной навис купол Барьера, тут-то и выяснилось, насколько, оказывается, сильно я привык к солнцу, луне и звездам. И как тоскливо становится на душе, когда понимаешь, что, возможно, тебе больше никогда их не увидеть...

После гиперпространственного перехода нам по обыкновению потребовалось время, чтобы прийти в себя и акклиматизироваться. Сегодня этот процесс выдался для нас особенно болезненным. Разница в климатах Керченского острова и Новосибирска была, пожалуй, самой чувствительной из всех, какие можно пережить при путешествии по Пятизону. Сырость пропитывает атмосферу зимнего Крыма настолько, что, угодив туда, вы поначалу дышите словно сквозь

влажную губку. Потом, разумеется, привыкаете и не обращаете на это внимание. Ровно до той поры, пока не покидаете эту негостеприимную к вольным сталкерам локацию. И если затем вас заносит напрямиком в Новосибирск, первое впечатление, какое вы при этом испытываете: влажную губку на вашем лице резко заменили на другую – сухую и долгое время пролежавшую в морозильнике.

Вырвавшись из тамбура в крайне непривычный климат, мы хрипели и кашляли так, словно нас пинком выставили из горящего здания или газовой камеры. Мороз, который днем ослабевал, ночью опять усиливался и на рассвете достигал своего пика. Оттого жадно хватать ртом ледяной воздух – то, чем мы сейчас дружно занимались, – было вдвойне мучительно. Но, несмотря на это, сегодня никто из нас не умер от удушья и спустя несколько минут адаптировался к новой среде.

Световая полоска восхода на розовеющем горизонте расширялась и уже давала нам возможность оглядеть утопающие в снегу окрестности. В отличие от Курчатника, где Катастрофа утопила вход в гиперпространство на дно глубокого кратера, в Академгородке все случилось с точностью до наоборот. Здесь буйство аномальной стихии вознесло тамбур на вершину монументального двухсотметрового кургана, что вырос аккурат под зданием гигантского Торгового Центра. Последний, естественно, такое вознесение не пережил и обратился в обломки, которые затем раскатились по

склонам холма.

Покидать Новосибирск, особенно когда вас преследуют враги, было той еще головной болью. Не всем гонимым отсюда сталкерам удавалось преодолеть финальную преграду, отделяющую их от спасительного выхода. Не счесть, сколько их полегло на этом кургане за шесть минувших лет. Зато все прибывающие в Академгородок бродяги сразу же автоматически получали выигрышный бонус в виде шанса изучить локацию с господствующей высоты. Коим и пользовались, если поблизости опять-таки не наблюдалось опасности.

Наше появление в Новосибирске ничем подобным, к счастью, не омрачилось. И прежде чем спуститься с холма, мы не спеша и обстоятельно осмотрелись. В наших ранцах отыскались компактные бинокли, которые мы незамедлительно достали, после чего устремили вдаль свои усиленные цифровой оптикой взоры. И хоть мой бинокль после этого вышел из строя и его пришлось выбросить, несколько минут он все же проработал, позволив мне увидеть в рассветных сумерках почти все, что я хотел.

Свистунов не обманул: толщина нынешнего снежного покрова была здесь все прежние рекорды. Причем не только за время существования Пятизонья, но и, пожалуй, за всю историю Сибири, начиная с Ледникового периода. Я глядел на мертвый город и не верил своим глазам. Его устилали сугробы величиной с пустынные барханы. Уродливая шершавость, какую имела пустошь при взгляде на нее летом, бы-

ла замазана снегом словно шпаклевкой. Из него выступали лишь единичные неровности: уцелевшие крупные здания и руины. Окружающие их наносы наверняка позволяли прыгать в них без опаски даже с верхних этажей еще не обрушившихся небоскребов. Если, конечно, смельчаку, который на это рискнет, хватит сил и терпения прорыть затем пещеру, чтобы выбраться из пробитой им в сугробе ямы.

К западу от тамбурного смерча заснеженный ландшафт проседал широкой, протянувшейся до самого горизонта котловиной. Да, такую неровность метелям и снегопадам уже не зашпаклевать. Обь! Покрытое льдом и наметенными поверх него белыми дюнами речное русло разрубало локацию на две неравные части: восточную и западную. Площадь первой была примерно вдвое больше, чем второй, и тамбур тоже располагался на ней.

От центрального кургана до восточного берега Оби было около четырех километров. Посередине ее замерзшего русла громоздились высокие торосы, похожие на торчащие из-под снега плавники замерзших исполинских рыб. Что заставило лед вздыбиться – взбаламутившая воду стихийная аномалия или почтивший своим визитом эти края технокракен, – определить не удавалось. Но торосная гряда создавала труднопроходимую преграду для тех сталкеров, кому могло понадобиться пересечь реку по льду. Зимой такая переправа была куда безопаснее, нежели по, как правило, разрушенным мостам, где вольные бродяги рисковали столкнуться и с еге-

рями Хистера, и с чистильщиками, и с биомехами.

Раскинувшийся перед нами пейзаж можно было бы сравнить с арктическим или антарктическим, если бы не одно «но» – в нем отсутствовала унылая умиротворенность, столь характерная для безлюдных полярных широт. Кое-где из-под снега вырывались клубы пара, порождаемого сейсмически активными разломами земной коры. То тут, то там на всем обозримом пространстве наблюдалось какое-нибудь копошение. Неугомонный технос бороздил колесами, гусеницами и стальными конечностями волны белых барханов. И чем выше вставало солнце, тем сильнее становилось заметно, что пустошь испещрена тысячами разнообразных следов.

При взгляде сверху их отпечатанная на снежной толще хаотическая сетка напоминала узор папиллярных линий. Примерно такой, какой присутствует на руках у человека. Здесь также имелись широкие проторенные дороги – вроде больших складчатых линий на ладонях, и дороги поменьше, и совсем узкие, едва заметные отсюда тропки, оставленные поверх сугробов легкими ботами. Вот только, при всем богатстве выбора, ни один из раскинувшихся перед нами путей не мог считаться безопасным. Что, впрочем, в равной степени относилось и к нехоженным участкам пустоши. Только они были опасны по иной причине. Той самой, о какой несколько минут назад заикался хитромудрый доктор Зеленый Шприц.

– И куда теперь? – осведомился я у него, выбросив отслуживший свое и не подлежащий восстановлению бинокль.

Несмотря на обнадеживающее начало нашего рейда, все оказалось намного хуже, чем я предполагал.

– Дайте-ка сориентироваться, я ведь в этих краях еще никогда не бывал. – Тиберий опустил бинокль и, продолжая глядеть вдаль, начал в задумчивости покусывать губу. – Та-а-ак... Если я сейчас стою лицом к северу, значит, идти нам нужно... э-э-э... А где Государственный университет?

– Да ты, «ботаник», по-моему, до сегодняшнего дня вообще никогда из своей лаборатории нос не высывал! – фыркнул Дюймовый, озвучив и мои опасения тоже. – Вон же, блин, оно – твое НГУ! Под снегом, прямо у подножия холма! Видишь верхушки зданий? Это и есть «энгэушные» корпуса!

– Не «оно», Георгий, а «он». НГУ – это, в первую очередь, университет, и только потом – здание, – поправил Жорика Свистунов, вглядываясь в указанном направлении. – Стыдно в твои-то годы таких элементарных вещей не знать... Ага, вижу! Точно, он – прямо как на тех фотографиях, которые мне показывали.

– Не тебе, профессорская морда, учить меня русскому языку! Я тоже, между прочим, институт закончил и немного в науках кумекаю! – огрызнулся напарник. – А ты, вместо того, чтобы умничать, разуй глаза и приглядишься к этому своему университету! Давай-давай, внимательно смотри, не отвлекайся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.